

Андрей Глебов

Ловушка для Хамелеона

16+

Андрей Глебов

Ловушка для Хамелеона

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43631517

SelfPub; 2019

Аннотация

Кто и как попадал в органы КГБ? Что требовалось для поступления в закрытую школу самой могущественной спецслужбы СССР? Как жили и учились курсанты необычного ВУЗа? Об этом и повествует роман "Охота на Хамелеона", в котором показаны картины быта и учёбы в стенах Высшей школы КГБ в последние годы существования Советского Союза.

Глава 1. Московская весна

Остатки московского снега, спрессованные в грязные кучи и горбы, неумолимо плавились и оседали, пуская под себя ручейки чёрной жидкости. Резвые потоки стремились в сточные отверстия, утопленные в асфальте, и скапливались в зеркала луж, преграждая путь прохожим и заставляя их перепрыгивать или огибать водные препятствия.

Разливы на дорогах весело и залихватски утюжились машинами, выдувавшими колёсами дуги брызг, ложившихся тёмным крапом на одежду зазевавшихся пешеходов. Помеченный люд бранился, клял шоферов и становился бдительным. Хотя куда уже больше!

Советский человек сызмальства держал ухо востро и смотрел в оба. Жизнь и партия учили его на каждом шагу и каждую минуту. Денно и ночью. И оттого он вечно – от колыбели и до гроба, был начеку и в перманентном стоянии напряжения.

Прозрачный воздух столичной весны с сизыми и чёрными заплатками бензиновых выхлопов сулил долгожданное тепло и перемены к лучшему. Скорей бы! Хотелось позабыть стылость зимы, зябкость марта и серость тоскливых дней, и подставить под грядущее лето зажмуренное от удовольствия лицо.

Взмахнув дипломатом, Оля легко перелетела через лужицу, угодив краем невысокого каблучка в кайму воды.

Она уже подходила к подъезду своего 12-ти этажного дома, ещё недавно считавшегося новостройкой на окраине города. Спрут Москвы разбухал, вываливался за границы кольцевой автодороги и тянул жирные щупальца, прибирая новые территории.

Озеленившийся микрорайон с укоренившимся на жилплощадях населением постепенно перестал быть посадом и заслуженно претендовал на звание района, «приближенного к сердцу нашей Родины».

Но этот генезис мегаполиса несколько не интересовал юную особу. Она жила экзаменами, последним звонком и выпускным балом. Войдя в лифт, десятиклассница поднялась на шестой этаж и отперла дверь, обитую чёрным дерматином.

Скинув туфли в прихожей трёхкомнатной квартиры, девушка поставила у письменного стола дипломат, сняла школьную одежду, переделалась в домашний халат и прошла на кухню.

Едва она засыпала в кофемолку зёрна, как услышала щелчки ключа в замке. В коридоре появился отец.

– Ты уже дома? – спросил он с порога уставшим голосом.

– Последнего урока не было, – она поцеловала его в щёку. – Химичка заболела.

По всему было видно, что он её не слушал. В последнее время отец стал раздражительным и нервным, заводился по пустякам, порою срываясь на крик. Было жалко маму, кото-

рая, словно оправдываясь за отца, говорила дочери: «Работа у отца тяжёлая».

– Кофе будешь?

– Что?

– Я говорю, кофе пить будешь? Тебе сварить?

– Кофе, кофе... – забормотал отец.

– Или борщ разогреть вчерашний?

– Давай.

Дочь развела руками:

– Что давай? Кофе или борщ?

– Кофе! – он хотел добавить что-то ещё, но передумал и ушёл в спальню.

Отец редко появлялся дома днём: с утра до ночи пропадал на работе, иногда даже не приезжал ночевать. В таких случаях он всегда звонил по телефону и предупреждал. Но если раньше это было нечасто, то с января подобные бдения вне дома приняли регулярный характер.

Было это вызвано, как говорится, производственной необходимостью или нет, Оля даже не хотела знать. Дела взрослых – это дела взрослых. Но то, что между родителями появилась трещина – было заметно невооружённым глазом. Вот это-то её и волновало. Вроде всё в доме было по-прежнему: семейные традиции, устоявшиеся отношения и ежедневный распорядок вещей... Да, это никуда не делось. Но атмосфера уюта и теплоты семейного очага давно улетучилась. Вместо неё появилась обыденная сухость, залакирован-

ная фарсом ложного благополучия.

– Кофе готов! – позвала Оля, разливая из джезвы ароматный напиток.

Отец кинул в чашку два куса рафинада и стал размешивать, глядя перед собой. Сахар давно растворился, а ложка по-прежнему болталась в чашке, выбрасывая на блюдце чёрные капли. Он даже не заметил, как дочь поднялась, обошла его сзади и обняла, положив голову на плечо.

– Пап, ну что с тобой?

От нежно-тревожного шёпота, вползшего в ухо, его пробрали мурашки. Он бросил ложку на блюдце и похлопал ладонью по сведённым под шейей тонким рукам.

– Всё в порядке, Оленька.

– Ну я же вижу... И мама переживает.

– Всё в порядке, – медленно повторил отец, больше убеждая в этом себя, нежели дочь. – С инязом не передумала?

– Уходишь от неприятной темы?

Он грустно усмехнулся:

– Ты у меня не только красивая, но и умная.

– Вся в тебя.

– Это точно! – комплимент подсластил горькое настроение. – О! Совсем забыл! Там, в коридоре, пакет с сервелатом и сосисками. Надо бы в холодильник положить.

– Положу.

– Бананы ещё давали, но я не стал брать.

– И правильно. Мы ж кроме королевских других не едим.

Жаль, что из Сингапура их сюда не поставляют. А классно было в Джакарте! Да, пап? Вот бы ещё раз там оказаться!

– Да... Ты тогда совсем крохой была!

– Вернуть бы то время назад! Хотя бы на один день!

– Я бы многое отдал, чтобы оказаться в том прошлом.

Джакарта... Город с многоголосой смесью различных диалектов: малайского, яванского, сунданского и балийского языков, в канву которых вплетались обороты и фразы из английского, португальского, китайского, хинди и арабского. Бурлящий Вавилон! Плави́льный котёл народов! Чудеснейший город, где он прожил два года в домике советского посольства, в маленьком и уютном дворике которого росли тропические цветы и три дерева королевских бананов. Каждые девять месяцев деревья рубили, снимали с них плоды и укладывали для созревания в мешки, распространявшие по двору дурманяще-сладкий аромат. Ах, какие же это были чудо-фрукты!

Те же бананы, что продавались в Москве, были совершенно не похожи на индонезийские. Презренный эрзац, да и только.

Отец провёл пальцами по тыльной стороне Олиной ладони и поцеловал её.

– А достань-ка мне коньячку!

– А надо ли?

– Надо.

– Вредные привычки имеют свойство перерастать в пагуб-

ные пристрастия.

– Серьёзно?

– Я не шучу!

– Я вижу. Мне бы чуточку расширить сосуды.

Дочь нехотя принесла бутылку армянского.

– Только чуть-чуть! – погрозила она пальцем.

– Всего три капли! – заверил он.

Смешав напитки и сделав большой глоток, отец повеселел.

– Всё обойдётся. Всё станет на свои места.

Но его весёлость был напускной, Ольга чувствовала это. Он тоже это прекрасно понимал, но отказаться от выбранной роли уже не мог.

Глава 2. В Париже

Пока улицы Москвы избавлялись от ошмётков снежного панциря, а в Кремле происходила смена правителей с очередным циклом потепления, Париж по своему обыкновению пестрел распустившимися клумбами и белел канделябрами цветущих каштанов.

Запруженные празднующей толпой Елисейские поля с галльской безмятежностью стелились под подошвы пешеходов и резину автошин. Запахи бензина, духов, цветов, кофе и сдобной выпечки перемешивались друг с другом в причудливые комбинации, образуя знаменитый аромат Парижа.

Как нюхнёшь такой амбре, и голова пойдёт кругом! Нюхнёшь ещё раз и опьянеешь! Нюхнёшь в третий, с долгим глубоким затягом – раз, и с тобой произойдёт страшная метаморфоза: секунду назад ты был советским человеком, гражданином СССР и патриотом социалистического отечества и... опля! – ты уже свежеиспеченный диссидент! А там не за горами и перспектива статуса невозвращенца!

Сразу же оказываешься в плену жуткого желания остаться жить в Париже. На все времена! Навсегда! Навечно! Бесцельно шататься по его улицам, беспричинно улыбаться встречным прохожим (просто так, потому, что у тебя хорошее настроение и нет гнетущих забот и соцобязательств по ударному труду), трескать круассаны и заливать в себя бордо вместо бурды! А дальше желания размотаются как колодезная цепь за сорвавшимся в колодезь ведром.

Вот к чему может привести необдуманная эксплуатация ноздрей, втягивающих в себя чужеродный дух, исторгаемый недрами парижского чрева! А ведь он безжалостно свербит и побуждает к непривычным поступкам.

С органами зрения проще. Одел солнцезащитные очки, и всё вокруг вроде бы в чёрном цвете! Самообман, но помогает. Против остальных чувств советского человека, увы, фильтров восприятия благ западного социума изобрести не удалось. Кляп в рот, тампоны в нос и уши? Не выйдет! Есть более солидная и надёжная альтернатива – железный занавес! За периметр – только дозированными группами. Жаль,

что не поштучно.

Людмила Караваева была натурой, не оснащённой защитными приспособлениями для дезинфекции буржуазных флюидов. Это обстоятельство пагубно отразилось на молодом организме, вызвав побочный эффект. Дефект проступил наружу в виде явного симптома базедовой болезни в первый же день пребывания в столице Франции.

– Сколько можно пялиться, Люд?! – вздыхал её муж, которому порядком надоела затянувшаяся женская эйфория, имеющая все шансы перейти в болезненное состояние. – Пора успокоиться.

– Какое спокойствие, Жорик?! – восклицала Людмила. – Это же Париж! Париж!!!

– У тебя глаза или из орбит выскочат, или ты их сотрёшь обо все эти местные достопримечательности.

Она залилась колокольчиком и прильнула к мужу.

– Не беспокойся! Не сотру!

– И всё же. Поменьше экзальтации.

– Эгм! – её курносый носик вздёрнулся. – И побольше зашоренности?

– Не передёргивай! – он поморщился и с укоризной посмотрел сверху вниз. Она была ниже его на голову.

– А ты не будь занудой! – она опять против своей воли всплеснула от восторга руками. – Ну как же здесь божественно!

– Соглашусь, – кивнул головой муж. – Особенно на кон-

трасте с Джамахирией.

Георгий и Людмила Караваевы, вчерашние выпускники института стран Азии и Африки, были в Париже проездом. Преддипломная практика, пройденная за 2 месяца в Ливии, существенно обогатила их арабский язык, отяжелив словарный запас свежими словосочетаниями и идиоматическими выражениями. Впечатления от этого североафриканского, с позволения сказать, соцгосударства тоже были яркими. Жара, песок, советская колония специалистов, разбитая, словно мозаика, на мелкие фронды и фаланги, местное население, столь непохожее на колоритных персонажей из сказок о Синдбаде-мореходе и гнетущее чувство несуразности своего пребывания в чуждой стране.

Знала бы Люда раньше, что она попадёт в Ливию, ни за какие бы коврижки не поступила бы учиться на арабиста. Мудрый и загадочный Восток сыграл над ней недобрую шутку. Заманил миражами слепящей роскоши и будоражащей фантазию таинственности, заманил и выставил напоказ неприличные места нищеты и безобразия. Фу! Как неприятно! Знающие люди, утверждали, что в Эмиратах истинный рай, но кто ж туда пустит студентов из СССР! Там же не наша вотчина.

Зря она послушала Жорку, её одноклассника из французской спецшколы, и пошла с ним поступать на один факультет. Ох, зря! Иллюзии о сказочном востоке замазались ливийской грязью и антисанитарией, а перспектива в карьере

выглядела хило и рахитично.

Но разве можно думать о призраке грядущего тут, в Париже? Да что вы! Ни в коем случае! Здесь надо вбирать в себя и пропускать через все клетки организма атмосферу галльского духа.

– Ой, Жорик, смотри, триумфальная арка! – Люда захлопала ресницами и ладошками. – Пойдём туда, ну!

– Да что ты, в самом деле, как дитя капризное!

– А что тут такого?

– Ничего... И, между прочим, ты же в Лувр хотела. А это в противоположную сторону!

– Сначала к арке! – она, как ребёнок, хотела то, что видела.

– С тобой спорить себе же хуже.

Он поплёлся, увлекаемый женой, как породистый и флегматичный дог за холеричной импульсивной хозяйкой. А ему так хотелось усадить свой зад на обшарпанный стул какого-нибудь дешёвого кафе и промочить горло. Даже пусть и не самого дешёвого! Чёрт с ней с валютой! Ради восстановления растраченных кондиций он готов был пожертвовать драгоценными франками! Но этот город свёл с ума его жену! Она стала деспотом и диктовала условия в ультимативной форме.

– Чуть помедленнее, чуть помедленнее! – попробовал он обуздать Люду. – Летишь как казак на дончаке в 1812 году!

– Мало времени! Надо везде успеть!

– Нельзя объять необъятное.

– Стоит только захотеть! – она распространяла вокруг себя мощное биополе заразной энергии. Но у Жорика за годы совместного проживания выработался не менее мощный иммунитет, защищавший его как прочная кираса от неприятельского палаша.

– Может, сначала заглянем в кафе, а? – он заговорщически подмигнул, лелея слабую надежду. – Чудный кофе, дивный круассан. Эм-м-м. Закачаешься!

– А ты не качайся! – соблазны были решительно отменены. – За мной! На площадь звезды! К триумфальной арке!

Жорик жалобно вздохнул и покорно поплёлся, с безбрежной завистью глядя на вальяжных посетителей парижского общепита, потягивающих на открытых верандах всевозможные напитки. А их тут было море разлитое. Эх-эх-эх!!! Видит око, да зуб неймёт!

Его дядя работал в советском торгпредстве во Франции, что, собственно, и позволило молодой паре задержаться в Париже. Из Триполи в Москву не было прямого рейса, а миновать этот город транзитом, не остановившись в городе на пару деньков, Люда посчитала преступным деянием. Она нажала на мужа, тот связался с дядей, которому родственные узы не позволили отказать племяннику в пустяковой просьбе. Лично приехав в аэропорт на служебной машине, он отвёз их в крошечную гостиницу на улице Фонтанов, посидел в номере с четверть часа и откланялся. Дела государствен-

ной важности!

Париж после Триполи был контрастным душем: освежил, ободрил, вдохновил и потянул к себе во все прославленные кварталы и сомнительные места. Едва обосновавшись, Люда подстегнула мужа, оккупировавшего кровать в релаксационной позе, и погнала его наружу – совершать экскурсию по индивидуальной программе.

Купив у портье карту города, они вышли из гостиницы и спустились к бульвару. Определив направление к метро, супруги неспешно направились к станции.

– Бог мой, ну как тут всё красиво! – восторгалась Люда, складывая на груди пухленькие ручки. – Чудо какое-то! Мы и в Париже! Даже не верится!

– Объективная реальность, данная нам в ощущениях, – менторским тоном отозвался Жорик и, замедлив ход, остановился у витрины, желая пристальнее разглядеть яркий плакат за стеклом.

К нему тут же переместился сухопарый парень, за мгновение до этого стоявший у дверей магазина. Лучезарно улыбаясь и обволакивая Жорика облизывающим взглядом, субтильный субъект стал заманивать потенциального клиента в салон, сопровождая монолог призывными жестами безбрежного гостеприимства.

Жорик, поначалу ответно улыбающийся, как того требовала его московская воспитанность, постепенно стал меняться в лице, добравшись до стадии гримасы человека, впервые

приступившего к процедуре уринотерапии.

Он сообразил, что хочет от него француз. От этой догадки его передёрнуло. Тряхнув всем телом и выполнив короткую серию стремительных конвульсий, Жорик отпрыгнул горным архаром в сторону и налетел на Люду. Глаза жены напомнили ему фары неотложки, бившие ярким светом в стекло необычной витрины. Пока без включенной сирены. Мгновенье, и они, как ошпаренные, помчались прочь от проклятого места.

Зазывала секс-шопа стёр с лица улыбку, пожал плечами и переглянулся с коллегой-конкурентом из соседнего магазина. Тот понимающе махнул ему рукой: «целомудренная парочка!».

Завершив манёвр отхода, Караваевы немного успокоились и притулились на бульварную скамейку.

– Фу, чёрт! – перевёл дух Жорик, тревожно глядя в размывающуюся точку своего старта. Вдруг погоня? Нет, вроде тихо. – Надеюсь, что это не провокация! Дядя наставлял: будь осторожен и гляди в оба! У-у-ух! Хороший спурт! – он выдал смешок. – Бежали, как черти от ладана!

– Или наоборот, – грудь Люды то вздымалась, то опадала. Трусца тут была не причём. Испуг – вот что заставило колотиться её сердце.

– Первая встреча с прекрасным! – к Жорику стало возвращаться чувство юмора. Он закурил и откинулся на спинку скамейки. – Как в кино! Руссо туристо!

– Облико морале! – подхватила Люда и прыснула.

Напряжение ушло, и ситуация, только что казавшаяся неправдоподобно страшной, превратилась в тривиальную уличную ситуацию: безвредную и забавную.

– Париж вздрогнул от нашего галопа! – выпустив струю дыма, Жорик сделал очередную глубокую затяжку. Никотин успокаивал и восстанавливал душевное равновесие. – Теперь понятна суть выражения: «галопом по Европам». И ведь предупредал же дядя, что тут рядом этот вертеп. Но я и подумывать не мог, что он совершенно под носом!

– Какой вертеп?

– Пляс Пигаль!

– Что это?

– Неужели не знаешь?

– Нет.

– Воспетый поэтами квартал красных фонарей!

На лице Люды застыло изумление.

– Да, да! Кстати, вон то здание, видишь? Мулен Руж!

Люда повернула голову и посмотрела в ту сторону, куда указывал Жорик.

– Правда! Знаменитая Красная мельница!

– Уместнее – Красный Маяк, – он сунул окурок в урну и полез в карман за мелочью. Дядя, насколько хватило ему времени, проинструктировал племянника о некоторых особенностях мегаполиса. Из почерпнутой информации он знал, что огромный цилиндр, стоявший на бульваре и напо-

минающий московскую тумбу для афиш, был автоматизированным общественным туалетом, выпускающим в себя нуждающихся за 2 франка.

– Подожди, пожалуйста, я вот в этот киоск наведаюсь.

– С тобой всё в порядке? – в её интонации вибрировало беспокойство. – Может, вернёмся в номер?

– Всё нормально! – бодрым тоном обнадёжил он и спохватился. – Не желаете ли вы первой, мадам?

Она мотнула головой.

– ОК! Я сейчас.

Жорик направился мимо стайки жирных голубей избавляться от драгоценной монеты и переполнявших его чувств, оставив на некоторое время супругу без присмотра. Этим не преминул воспользоваться бойкий негр, материализовавшийся чёрным вертопрахом из тёмной подворотни. Крадучись мягкой походкой пантеры, он неслышно приблизился к намеченной жертве и замер, готовясь к молниеносной атаке. Ничего не подозревавшая Люда, глядячи на циклопических размеров пенал, поглотивший её мужа, крепко сжимала в руках сумочку в мучительном ожидании конца своего одиночества. Париж уж не казался ей таким романтичным и сказочным, как раньше. И в подтверждение её мыслям коварный бульвар выставил перед ней свежий колоритный персонаж.

Новый герой эпизода, обтянутый в драный джинсовый костюм, грациозно выскользнул откуда-то из-за её спины и,

угрожающе блестя белками глаз, выбросил вперёд руку. Люда, в чьём сердце еще не остыли угли свежего пассажа, ойкнула, подтянула сумку к подбородку и подпрыгнула как на пружинах. Стоя на скамье, она господствовала над своим визави. Но разве это давало хоть какое-то превосходство бедной женщине в противостоянии существу исчадию ада?

Незнакомца поведение Люды явно смутило. Он втянул голову в плечи, будто ожидая удара по темечку, сделал осторожный шаг вперёд и, корча рожу, быстро затараторил. Что он там говорил, она не понимала. Ужас и паника производили свой лаконичный перевод: «жизнь или кошелёк!» Ударившие в виски пульсары и гонг в грудной клетке выгнали из женских лёгких душераздирающий крик.

Символы мира, ворковавшие у мусорной урны, с шумом взмыли ввысь и унеслись, тревожно хлопая крыльями. Последовал крик второй, мощнее первого. Окна и витрины близстоящих домов лопнули и посыпались стеклянным дождём на тротуары, с прохожих сорвало шляпы, кепи и береты, а кроны деревьев пригнуло к земле. Улица замерла. Так показалось испуганной москвичке.

На самом деле никаких повреждений окружающей среде нанесено не было. Да и вместо истошного вопля из пересохшего горла исходило некое подобие жалобного мяуканья брошенного котёнка. Но и этого слабого колебания звука было достаточно, чтобы заставить отверзнуться дверям огромного тубуса.

Не дожидаясь полного открытия дверей, Жорик активно протискивался в щель. Дорога была каждая секунда! Он орудовал плечами, отодвигая створку и, высунув голову наружу, бешено тарасил глаза. Руки его были заняты приведением в должный порядок штанов, зато свободные ноги энергично брыкались по внутренней части туалета.

Увиденная им сцена была ему хорошо знакома. Он наблюдал её не раз и не два в театре и на киноэкране. Но там были задействованы артисты, а тут всё по-настоящему! Кровавый Отелло вот-вот должен был задушить Дездемону!

Завидев заступника, покушавшийся злодей не стал дожидаться его приближения и пустился наутёк, выставив на обозрение обширные потёртости на ягодицах и зияющие дыры на подошвах разбитых кроссовок.

– Ты в порядке? – Жорик наконец-то оказался рядом с женой. – Людочка, как ты?

Он обнял её, спустил вниз и усадил на скамейку.

– Ну-ну, успокойся!

– Что он хотел? – у неё трясся подбородок. – Ограбить?

– Я сначала тоже так подумал. Слава богу, это не так! Это ж клошар! Шэр ами! Шаромыга местный, – он гладил её по голове и целовал в щёчку. – Будь он гангстером, вырвал бы сумку без разговоров и смылся. Мы сами его до смерти застращали!

– Правда?

– Ну, так! – он ободряюще усмехнулся. – Видала, как уле-

пётывал этот африканский монстр! Пятки сверкали! Жаль, не оказалось рядом Тулуза Лотрека, чтобы изобразить этот канкан! Остановись мгновенье! Ты прекрасно!

Он погладил жену по волосам.

– Этих попрошаек тут пруд пруди. Только что ты имела честь познакомиться с типичным представителем человеческих отбросов Франции. Вот она – отрыжка её колониальной политики, гниющая субстанция разлагающейся плоти агонизирующего империализма.

– Долго он агонизирует, – она позволила себе ослабить смертельную хватку и опустила сумочку на колени.

– Чего ж ты хотела? Процесс распада длителен. А мы тут в качестве катализаторов. Ускоряем этот самый процесс. Идёт экзотермическая реакция, выделяются миазмы, болезнетворные бактерии... Не успели выйти, как подверглись двум нападкам. Редублеман! – Жорик резко сменил тон и ударил ладонью по колену. – Мой дядя самых честных правил! Подсуропил! Расквартировать в этой облагороженной клоаке! Ну, спасибо! Ну, удружил! Как нарочно! – он погрозил в пространство пальцем и прикоснулся губами к пунцовой и горячей щёчке супруги. – Полегчало?

– Да вроде, – она посмотрела по сторонам настороженным взглядом, цепляясь зрачками за проходящих мимо прохожих. – Сколько же здесь негров!

– И друзей-арабов, – добавил Жорик. – А ты думала тут сплошь Делоны и Ришары? А на поверку вон что оказалось!

Мы, русские, сделали из Парижа какой-то фетиш! Приукрасили его и идеализировали. Восторгаемся им и обожаем! Причём заочно! Априори! А в прошлом русская знать звала этот город не иначе как вонючей деревней. Дочь Ярослава Мудрого, отданная в жёны французскому монарху Генриху II, жаловалась папочке на омерзительную грязь и вонь этой дыры. А Фонвизин, путешествуя по Франции, писал в заметках, что в Париже кругом нечистоты, коих людям, не вовсе оскотинившимся, переносить весьма трудно.

Насытив тираду историческими фактами, он указательным пальцем легонечко шлёпнул по чуть курносому носику жены и предложил продолжить экскурсию.

Через 20 минут, прокатившись в подземке, они доехали до центра, перешли через Сену по мосту Александра III и пошли ко дворцу Инвалидов. Жорик интересовался, почему именно туда, а Люда смеялась и говорила, что её заинтриговало название. Заходить в него не стали, сделали круг, любясь величественным зданием, и вернулись на Елисейские поля, намереваясь пройти по ним до площади Согласия и далее в Лувр.

Жорик изнывал от непривычной нагрузки пеших передвижений и канючил проявления милосердия. Париж его утомил. Он жаловался на усталость, брюзжал, что экскурсия сделала из него инвалида без дворца, и молил о биваке на Шампс Элизе или пикничке на обочине парижской суматохи.

Восторга от панорамы города Жорик, в отличие от Люды, не испытал. Зато, какое божественное блаженство расплылось по его изнурённому телу в отдалённом от главной улицы brasserie – где не так баснословно дорого, когда он осушил бокал прохладного пива! Кайф! Лёгкий градус нежно качнул мозг, из которого засочилась крылатая фраза.

– Всё же прав был Генрих, но не тот – второй, а другой – четвёртый! – Жорик блаженно осклабился, подмигнул Люде и смахнул салфеткой пивную пенку, повисшую на верхней губе. – Париж стоит мессы!

Глава 3. Врата в космос

Человек – это животное, наказанное богом разумом. У мухи разума нет, потому она и счастлива, хотя об этом и не догадывается. А чем ей догадываться? Она же существо, не обременённое мыслительными процессами!

При наличии такой безмозглости можно себе позволить садиться куда угодно: хоть на навозную кучу, хоть на божественную святыню.

Жирная и мерзкая тварь, непохожая на обаятельную Чуковскую хлебосолку и скромницу, нагло восседала на носу Королёва. Как она решилась на это? Попрать своими грязными лапками Генерального конструктора?! Отца советской космонавтики! Такое хамство могут допустить только психи или пьяные. Но психически больных мух не бывает. Нонсенс! А вот пьяные мухи, видать, бывают!

Эта и была из их числа. Ползала где-то по бражной пене или плескалась в винном бокале. А это значит, что в её организме присутствует определённая доза алкоголя. Логично? Да кто бы спорил!

Следовательно, какая получается конфигурация? Королёв стоит. Трезвый. Муха сидит. На нём. Пьяная! Вывод? Королёв под мухой. Очевидное – невероятное!

Сергей наморщил лоб и собрался с мыслями.

Ахинея! Чушь собачья! Ну как муха, пусть даже навозная или там цеце какая, может быть пьяной! И Королёв тоже! Хотя... Вот тут ещё неизвестно. Почему это Королев не может быть пьяным? Эм? Вполне может. Стоп!

Он прервал ход нелепых рассуждений и с удвоенным напряжением впялился в лицо Королёва.

Да нет, как стёклышко. Гагарин с Терешковой тоже. Его тяжёлый взгляд оценил лица Титова и Быковского. Инспектируемые космонавты выглядели абсолютно трезвыми.

Что ж они тогда муху с Королёва не стонят? А сам-то, он что, не может?

Тьфу, бред какой-то! Конечно, не может!

Обшарив медленным взглядом огромную, во всю стену картину, он перешёл к осмотру помещения. Большие окна, лившийся в них яркий дневной свет; люди, бродившие, стоявшие и сидящие; чемоданы, рюкзаки, спортивные сумки, баулы и витавший в воздухе солоноватый запах пота и вяленого мяса.

Он находился в зале ожидания.

Тело, пролежавшее долгое время на жестком дереве вокзального сиденья, затекло. Мышцы ныли, ломило кости. Сергей зашевелился, прилаживаясь на сидушке поудобней.

– С добрым утром!

Он повёл взглядом в сторону. Бронзовое лицо, обрамлённое пшеничной каймой курчавой шевелюры и ухоженной бородки, смеялось голубыми глазами.

– Как головушка? Бо-бо?

Сергей не ответил. Язык, словно оторванная подошва башмака, лежал на пересохшем ложе и явно не хотел повиноваться.

– Водички не желаешь? – бородатая физиономия представила на обозрение солдатскую фляжку.

Глаза Сергея вспыхнули, кадык передёрнулся, вздыбив на горле поросль пегих волосков, правая рука потянулась к демонстрируемому предмету. Славка Голубченко блеснул рафинадом зубов.

– Сушняк долбит? – в его голосе была задорная сочувственность. – Печёт?

– Кара-Кумы...

– Каракумы вы мои, кара-ку-у-у-мы, – пропел Голубченко. – Раскумарили тебя, Каракумы. На, пей!

Сергей вцепился пальцами во фляжку, свинтил крышку и воткнул горлышко в распяленный рот. Вода забулькала, ручейком стекая по гортани в отравленный алкоголем

организм. Эликсир (кипячёная вода с настоем верблюжьей колючки) творил чудо на глазах, реанимируя отравленную плоть.

За последние 4 месяца организм травился изрядно и нередко. Встречи, вечеринки и гулянки шли бесконечной чередой, закольцовываясь в порочную окружность. Дембельская радость обмывалась долго, а время летело быстро. Пока Сергей не спеша собирался подать документы на заочный факультет в пединститут, оказалось, что поезд ушёл. Промедлил и поплатился!

Пришлось вернуться в монтажное управление, где он работал до армии. Его с радостью приняли и тут же отправили вместе с бригадой в командировку на Байконур. Руки для освоения космоса там всегда были нужны.

– Ну, хватит, опарыш! – Голубченко вырвал из рук Сергея флягу и завинтил пробку. – Соображалка хоть заработала? А? Мякиш в черепашке зафунциклировал?

Острогор не ответил и в изнеможении закрыл глаза. Густой туман, окутавший память, вяло редел, неохотно оголяя рельеф вчерашнего дня.

15 октября 1985 года был последним днём командировки на Байконур. Географический Байконур был севернее, а космодром располагался рядом со станцией Тюратам и назывался Ленинском. Но его всё равно называли Байконуром. Конспирация, укоренённая в привычку.

А конспирация, надо отдать должное политруководству

СССР, была организована мастерски. Всему миру Кремль объявил об освоении целины. И пошли за Урал поезда для поднятия новых земель. Эшелоны с добровольцами, специалистами и техникой стучали по рельсам металлом колёс, «теряя» ночами на станции Тюратам по несколько вагонов. Секретный груз сортировали, формировали состав и гнали его по спецветке в космопорт.

Когда аналитики из Вашингтона сообразили, что программа распашки нетронутых территорий – побочное явление от более грандиозного проекта Москвы, было уже поздно. Крошечный спутник, выведенный на околоземную орбиту Советами, остался вечным бельмом на округлившемся от удивления и досады лице дяди Сэма.

Монтажникам и прочим труженикам гаечных ключей и пассатижей из элиты гегемона политические игры прошлого, впрочем, как и настоящего, были, как говорится, до лампочки. Повышенный оклад, командировочные, суточные, сверхурочные и премиальные – вот что образовывало жизненно важный круг их интересов.

Отработав два месяца на стартовой площадке № 98, бригада готовилась к отправке домой. За три дня до отъезда Сергей Острогор и Славка Голубченко, съездили в Ленинск. Там они посетили вожделенное место «между ног» (самый известный винный отдел, названный так по причине расположения меж двух обувных отделов магазина: мужского и женского), закупили рюкзак водки для «отвальных»

и с десятков бутылок вина. «Подогрев» прикормленного солдата-проводника трёшкой, они пронесли запрещённый на стартовых площадках товар и привезли его в свой барак. 24 числа барак уже гудел, как трансформаторная будка от колоссальной нагрузки. Рабочий класс устраивал проводы. На следующие сутки пятёрка джамбулцев поехала на станцию Тюратам, чтобы сесть на поезд и укатить восвояси.

По пути монтажники прикладывались к бутылочке. Тон задавал бригадир Василий Корневой, превосходивший самого старшего из молодёжного квартета коллег на дюжину лет, отчего в свои тридцать шесть казался им окончательно взрослым.

– Как во рту погано, – промямлил Сергей. – Словно табун лошадей нагадил.

– Если хлестать водяру как верблюду воду, то и чертей скоро видеть начнёшь.

– Лыбишься? Ну-ну, – угнетённый похмельным синдромом Острогор болезненно скривился, обхватил голову руками и тихо простонал: – Спасибо, Слав. Ты настоящий друг.

– Спасибо не булькает.

– Вот только не надо, а! – взвыл Сергей. – Прошу, не намекай! А то меня вывернет прямо на тебя.

– Потянет, предупреди, – проговорил Славка. – Чтоб я успел отскочить.

– Тогда сюрприза не получится.

– Ожил, – определил приятель. – Остричь начал. Ну, ты

вчера устроил концерт.

– Бенефис?

– Фестиваль! Серёга, ты такие номера откалывал, что мы все в осадок выпали.

Острогор растопырил пальцы, прижатые к лицу, и посмотрел через них, как сквозь прутья плетня.

– Тебя я вижу. А где прочий осадок?

– Бугор с Цыганом на перроне. Курят. А Крокодил, вон, дрыхнет, – Славка указал на Гену Смирнова, высокого худощавого парня (за что и получил соответствующее прозвище), сидящего с вытянутыми в проход между сиденьями ногами и с заброшенной назад головой. Из открытого рта доносился негромкий ритмичный храп.

– Не пасть, а баскетбольное кольцо, – сравнил Острогор. – Хоть мячи клади.

– Если бы не Генка, нам бы туговато пришлось, – Славка потряс флягой, определяя сколько осталось в ней воды, и сунул её в спортивную сумку. – Но в первую очередь – тебе. Он за тобой, как клуша за цыплёнком, носился. Да, задал ты нам вчера задачку. Еле тебя успокоили.

– Бушевал?

– Фантомас в подмётки не годится! Ты такие корки мочил!

Вилы!

– Хорош заливать!

– Зуб даю! – Славка поддел ногтем верхние резцы и произвёл щелчок.

– Гонишь! – не верил Острогор.

– Ей бо! А ты что, не помнишь ничего?

– Почему? – нахмурился Сергей. – Помню. С электрички прыгали. Потом машину поймали. Водила, фуфломёт, на фонарь посадил, потом пузырь принёс. Палёнка была, точняк, вот и развезло.

– А дальше?

– Дальше? – Сергей сморщился и попытался сменить тему. – Что там с билетами?

– Дальше – сдвиг по фазе и КэЗэ, – ответил на свой вопрос Голубченко. – А билеты взяли. На Алма-атинский. Но только два. Будем договариваться при посадке с проводником. Бугор предлагает в качестве парламента твою кандидатуру, – его лукавые глаза сощурились. – Ты себя отлично зарекомендовал, – он засмеялся.

– Иди ты! – Сергей ругнулся и отвернулся, зашарив по карманам. Достав сигаретную пачку сказал, не оборачиваясь. – Я покурить.

Голубченко, оставшись караулить вещи бригады, озорно смотрел в удаляющуюся армейскую гимнастёрку друга, измятую и грязную.

Острогор на перрон не пошёл. Не желал столкнуться с Корневым и Цыганом. Требовалось побыть одному, осмыслить накуралесенное.

Солнце, выжигавшее степь горячей лепёшкой кизяка, подползало к зениту. Было жарко, но не душно, как в зале

ожидания. Сергей прошёл к молодым низкорослым карагачам и опустился в тень на жухлый, выгоревший коврик травы. Закурил. От табака стало противно, и он выбросил сигарету, сплюнув густым жёлтым шариком.

Прислонившись к шершавому стволу, парень прикрыл глаза и обхватил гудевшую голову руками. Коря себя за безудержность в потреблении алкоголя, он начал вспоминать вчерашнее. Где-то на середине ретроспективы недавних событий эпизоды начали путаться, сбиваться в кучу и, в конце концов, оборвались. Непреодолимое препятствие амнестического провала не позволяло восстановить картину минувшего.

А всё происходило следующим образом. Солдат-проводник электрички, идущей от стартовых площадок до Ленинска, забыл вовремя, несмотря на клятвенное обещание, предупредить об остановке на предпоследней станции, расположенной у селения Тюратам, и бригаде пришлось прыгать из вагона на ходу. Гена Смирнов – единственный из всех, не принимавший участия в попойке, пытался образумить соратников, красочно рисуя перспективу приобретения жутких увечий с последующей оккупацией больничных коек хирургического отделения больницы.

Отговаривая от десантирования, он предлагал доехать до конечной станции и уже из Ленинска добираться до вокзала на автобусе. Куда там! Всё безуспешно. Его и слушать не хотели. Вариант с длинным крюком не устраивал сторонни-

ков бескомпромиссных решений. Короткий путь был гораздо предпочтительнее, и первоначальный замысел отменять не стали, внося в него корректировку с учётом изменившихся условий.

Известно: пьяным море по колено. Но каково быть среди этих смельчаков трезвому и здравому? В лучшем случае – неуютно. В худшем – вариантов тьма тьмуца!

В данном случае непьющий был отправлен за борт, вслед за сброшенными вещами. Протесты и мольбы Смирнова, вкупе с его упорным сопротивлением и судорожным цеплянием за поручни, не были приняты во внимание, и длинное тело было отдано на растерзание жёсткой, выжженной казахским солнцем бесплодной степи. Вышвырнутая жертва брякнулась об твёрдый черепаший панцирь грунта и покадилась сухим и потрескивающим рулоном рубероида вдоль железнодорожных путей, демонстрируя отчётливые признаки жизни.

Лучше жёсткая земля, чем земля пухом! Глубоко презирая мягкую посадку, когорта бесшабашных пассионариев полетела из электрички вслед за запущенным ими пробным шаром. Бесстрашные орлы выпархивали из тамбура и после короткого, но неподражаемого полёта камнями падали вниз, украшая скудный пейзаж нехарактерными деталями ландшафта.

Пассажиры, удостоенные редким зрелищем короткого полёта лихих монтажников, припадали к стёклам вагонов и вы-

совывали в окна головы – когда ещё доведётся увидеть подобное, обменивались незабываемыми впечатлениями и живо комментировали увиденное. На величавое парение кондора эти перемещения по воздуху не тянули. Ну, никак! Даже при всём уважении к героям. Зато по зрелищности акция была сверхкрасочной и впечатляющей! В дальнейшем отдельные наблюдатели это неоднократно подчёркивали. Они же, выступив в качестве экспертов, провели аналогию зафиксированного явления с вываливанием из кузова мешков с картошкой. Это было близко к истине. Глухие стуки падающих тел и фонтаны песка только усиливали это сравнение.

Но главным достижением бездумной выходки было отсутствие потерь. Впрочем, это не вызывало удивления. Блаженным и пьяным бог благоволит.

Тем не менее, мелкая неприятность всё же случилась. У Смирновского чемодана оторвалась ручка. А потому, что не пил. Разумеется, не чемодан, его хозяин. Без вины пострадавший ещё долго потом возмущался. Даже после того как инициативная группа коллективно (с использованием медной проволоки) устранила причинённый ущерб, жертва произвола долго костерила всю братию.

Нетрезвая компания (не беря в расчёт отщепенца Смирнова), вдохновлённая успешным преодолением неподвижных обстоятельств, двинулась пешим порядком на вокзал, до которого, по словам бывалого бригадира, чья командировка на Байконур была по счёту второй, было километ-

ра три. Указав верный путь, предводитель повёл свой отряд к цели. Группа, отягощенная ручной кладью, набитой дефицитной сгущёнкой и тушёнкой, купленной или обмененной на водку у солдат, брела неспешно. Бурливший в крови алкоголь тоже не способствовал позитивному влиянию на скорость движения. Ползти бы монтажникам по грунтовке часа полтора, а то и два, не попадись на их счастье машина.

– Земляк, до станции подбросишь? – спросил Корневой у водителя, молодого казаха с чёрной, обветренной кожей.

– Чирик.

– Я погляжу, ты резкий, как понос!

– Нормальная цена.

– Белены объелся? – возмутился бригадир, кладя руку на крыло грузовика.

– Эй, вас пятеро. С каждого по два рубля. Червонец выходит.

– Ты мне чумовые расценки не втирай! По рябчику с носа и весь базар.

– Семь рублей.

– Проваливай, – Корневой отошёл на обочину. – Другого поймаем.

– Ай-ай-ай! Долго ловить будешь. Тут машины редко бьют.

– Да нам бара-бир! Мы не торопимся.

– Эй, ладно! – сдался шофёр. – Пять так пять.

– Орлы! В машину.

Бригадир уселся в кабину, парни погрузились в фургон. После недолгой тряски по ухабам грузовик остановился.

– К машине! – скомандовал по-военному Корневой с блуждавшей на лице пьяной улыбкой. – Пожитки свои в кунге не оставьте.

– Что-то я не понял, – оглядываясь по сторонам, сказал Гена Смирнов, опуская на землю дефективный чемодан. – Куда это мы приехали?

Машина стояла в неухоженном дворе низкого глинобитного дома, у порога которого толпились две женщины – молодая и пожилая, трое детей мал мала меньше и один подросток в коротких штанах. Это было семейство хозяина. Все с любопытством глазели на прибывших. Залётные командировочные смотрели на местных жителей с тем же выражением.

– Это дом Ербека, – оповестил подчинённых Корневой, успевший за время пути не только познакомиться с шофёром, но и согласовать с ним совместные действия. – Я договорился, – бригадир подмигнул парням, – нам достанут топлива. Заправимся и поедем дальше.

– Слышь, бугор, – возмутился Смирнов. – По-моему хватит. Не надо никакой заправки. У вас и так уже под завязку. Из ушей булькает. Давай поедем. Время позднее.

– Уложимся. К тому же я Ербека уже филками зарядил. Он сейчас две банки притаранит. Тут у него по соседству магазин на дому.

– Да сколько ж можно! – по-бабьи всплеснул руками Ген-

надий и, ругнувшись, плюнул себе под ноги.

Зато прочие приняли новость о дозаправке с энтузиазмом. Скинувшись для возмещения бригаиру выделенной им на напиток суммой, они разместились на деревянных ящиках, сваленных в углу двора, и задымили табаком, прилепив глаза к шофёрскому семейству. Настороженно-любопытные фигуры жались к облупленной стене каменной композицией, обёрнутой в аляповатую материю и, молча, ждали.

– Эй, бала! – обратился Корневой к самому маленькому домочадцу с умильной кривизной ног, напоминавшей параболу Тейлора-Полмана. – Кель манда! – и, подманивая ребёнка, достал из чемодана банку сгущенного молока.

Мальчишка посмотрел на мать, молча испрашивая разрешения, подтянул резким втягиванием воздуха длинную соплю, нависавшую над верхней губой, и несмело подошёл к незнакомцу.

– Вот, кишкентай, возьми, – Корневой с улыбкой вручил гостинец.

Мальчишка схватил банку и побежал прятаться в подол матери.

– Эй, малой, а где рахмат?

– Дырку в халат! – обнажил зубы Голубченко. – Хваткий пацанчик!

– Руку не оторвал? – справился Валерка Цыганков по кличке Цыган, а Острогор присовокупил:

– Задабриваешь?

– Сколько комментариев! Это от чистого сердца.

– Смотри, шеф, – продолжал Сергей. – Считаю своим долгом предупредить: не вздумай провернуть сделку с автохтонами!

– Это ты про что?

– А про то, что Байконур не Манхэттен!

– Пошли отсюда! – воззвал к разуму неприкаянный Смирнов, но его глас вопиющего в казахской пустыне остался не услышанным.

Прибыл Ербек с каким-то парнем, представленным уважаемой публике младшим братом, и двумя бутылками водки. Женщины, получившие от хозяина распоряжения, принесли чай, курд, лепёшки и пиалы.

Как приятно в зной потягивать чай из пиалы! Но как противно пить из неё сорокоградусную жидкость в сорокоградусную жару. Самоистязание для мазохистов! Бьющий в нос запах нагретой водки вызывает внутренний протест организма. Но пить надо, и здесь приходилось применять настойчивость и упорство. У монтажников такие качества были. Суровые парни опрокидывали в себя одну пиалу за другой с незначительными интервалами. Братья-казахи не отставали от гостей и выказывали отменную сноровку.

Но водка кончилась. Как на грех совершенно неожиданно и в самый неподходящий момент.

– Что? – Корневой удивлённо таранился водянистым взглядом в сердцевину опустевшей бутылки. – Больше нет?

– Тут нет – сказал Ербек, топорща узкую полоску жидких усиков. – Дашь денег, будет ещё.

– Даю! – бригадир полез за кошельком.

– Прекращай, бугор! – выкрикнул Смирнов, сидевший за дастарханом обделённым изгоем. – Харэ! Завязывайте и поехали!

– Ты, Гена, не возбужай! – напыжился Корневой. – Как я решил, так и будет.

– Не кипешишь, Крокодил, – провернул отяжелевшим языком Голубченко, слизнув с губ бело-серые крошки курда.

– Одумайтесь! Мы же на поезд не попадём!

– Их много ходит. Какой-нибудь да наш будет.

– Да вы скоро идти не сможете! Смотрите, что с Серёгой стало.

Все посмотрели на Острогора. Расхристанный вид парня, держащегося в сидячем положении на честном слове, предвещал надвигающуюся фазу полного отключения.

– Заруби себе на носу, трезвенник, я своих не бросаю, – Корневой ударил в грудь кулаком. – Контуженых и раненых эвакуируем. Машина есть. Ербек доставит.

– А как он поведёт? Он же тоже пьян!

Наступило время ситуации, претенциозно именуемой моментом истины. Глаза монтажников остановились на водителе.

Хозяин дома был безмятежен.

– Что молчишь, Ербек? – наконец спросил Корневой.

– А чё? Чё надо?

– Повести машину сможешь?

– Смогу!

– Вот видишь, – обратился бригадир к Смирнову, который стоял над тёплой компашкой телеграфным столбом. – Он сможет.

– Смогу, но не повезу, – внёс поправку Ербек.

– Как так? – с детской искренностью изумился бригадир. – Ты же только что сказал: «Смогу»!

– Смогу. Да. Но нельзя. Гаишник поймает, права заберёт. Как я потом ездить буду?

– Э-э-э, паря, забыл уговор? Или у тебя утрата нюха случилась? Аль потеря страха? – заиграл желваками Корневой, переводя собеседника из ранга союзника в разряд антогониста. – Или ты нас везёшь, или я тебя грохну.

Водитель на минуту задумался, прикидывая в голове варианты. Везти распоясавшуюся банду на вокзал желания не было, оставлять их у себя – тоже.

– Чего думаешь, Мифодий! – встрял в диалог Славка Голубченко. – Завязывай тут ля-ля-фа-фа! Сказано, вези! Не то пропишу в мазаре!

– Уроем, – поддакнул Валера Цыганков, поднявшийся на всякий случай на ноги. – Развальцуем и раскатаем, – его цыганская внешность и устрашающий вид были лучшими свидетельствами серьёзности его намерений. – Без базара. Как два пальца об асфальт.

– Не поеду, – стоял на своём шофёр, отступая за спину младшего брата. – Давайте лучше я вам водки ещё дам. В подарок.

– Задобрить решил, Мурза Мурзилкович? – Корневой сжимал в руках пустую бутыль-гранату, готовую к немедленному применению.

– Да, – закивал головой Ербек. – Угощаю! В знак дружбы.

– Хрен с тобой, – к бригадиру вернулось миролюбие. – Тащи!

Брат хозяина умчался за водкой, а промахнувшегося Острогора подняли, отряхнули и водрузили на прежнее место. Всё стало, как и прежде. Только Гена Смирнов, грозящий покинуть попойку, портил возобновлённый банкет. Когда уже выпили на посошок, солнце висело на западе шафранно-медовым шаром спелой кандыляшки.

Отряд монтажников покинул гостеприимный приют степняка и выдвинулся на вокзал. Впереди шёл беспокойный Гена Смирнов, вдохновляя товарищей своей целеустремлённостью. Но те никак не вдохновлялись, а плелись, одуревшим от зноя гуртом, и часто останавливались, чтобы подождать Острогора, выписывавшего в хвосте замысловатые галсы.

– Это ты всё виноват, – выговаривал Геннадий Смирнов бригадиру. – Напоил Серёгу до беспамятства. Смотри, на кого он похож! Он же в хламину! В дым и дрызг!

– Ему насильно в рот не заливали.

– А ты бы вовсе не наливал! Сравнил свою дозу и его. А

вдруг здоровья не хватит?

– Не каркай! – осадил оппонента Корневой. – Ну, перебрал малость. С кем не бывает. Однако смягчить его участь надо. Орлы, снимите с этого иноходца седло.

– Не дам! – взревел Острогор, когда с него стали совлекать рюкзак. – Моё-ё-ё!

– Твоё, твоё! – увещевали ребята, но Сергей намертво вцепился в ляжки, не понимая сути гуманных побуждений попечителей. Отстояв добро, он с неприязнью смотрел на парней, изготовившись к смертельной схватке.

– Сдохнет, а с мешком не расстанется, – сказал Цыганков.

– Не отдаст, – согласился Голубченко.

– Бульдोजья хватка, – бригадир почесал затылок и подошёл к бенефицианту неповторимого шоу. Тот насторожился, вытягивая шею в плечи и глядя в упор лихорадочно блестящими глазами. – Серёга, нужна твоя помощь.

Острогор попробовал выдавить из себя что-то членораздельное. Не получилось. Воздух прострочил бессмысленный набор звуков, похожий на суррогат бляения и мычания.

– Спасибо, что согласился, – отвечивал Корневой. – Надо донести до вокзала два чемодана. Ребята притомились. Слабаки! Не то, что ты, богатырь! Энергии – как у шаровой молнии!

Два чемодана, предназначенных для уравнивания, существенно укротили прыть Острогора. Скорость упала, зигзаги сократились, а гарцевание и вовсе исчезло. От ме-

тавшегося во все стороны попрыгунчика ничего не осталось. Ванька-встанька превратился во вьючное животное.

– Зачем вы над ним издеваетесь? – Смирнов с содроганием смотрел на жертву эксперимента. – Он же загнётся.

– Не загнётся, а выдохнется, – поправил Корневой. – Дойдём до вокзала, будет уже как ветошь. Он там нужен будет спокойным, а не буйным.

Перед станцией чемоданы у Острогора забрали. Обессиленного его втащили в зал ожидания и примостили на лавке. Сергей тут же заснул.

Теперь он сидел в тени деревьев и безуспешно пытался восстановить в памяти события. Голова раскалывалась, мысли путались. Ему было гадко и одновременно обидно за себя. Но более всего – обжигающе стыдно за своё вчерашнее скотское состояние.

Глава 4. Сафари

Верблюд растопырил ноги, удерживая от падения свою огромную навьюченную массу, и пускал под себя мощную струю мочи. Мясистые губы в бахrome пузырящейся пены крупно дрожали и прыгали, обнажая желтоватые клавиши крепких зубов. Левый глаз, недоумённо вонзившийся в незнакомого человека, набухал кровью и надувался влажным шаром вот-вот готовым вывалиться из орбиты. В пятке его мертвеющего зрачка отчеканился контур автоматчика, выпускавшего из дула оружия смертоносных шмелей.

«Калашников» безотказно работал, изрыгая одну пулю за другой в гигантскую мишень, промахнуться в которую было невозможно. Горячий свинец пробивал с хлопаяющим звуком горбатую гору мяса, застревая в нём и фонтанируя густой, почти чёрной жидкостью из проделанных в плоти рваных дырочек.

Длинная очередь оборвалась. Десантник механическим жестом вынул пустой рожок и вставил новый. Он неотрывно смотрел в глаз стоявшего к нему боком верблюда и не понимал, почему животное не падает. Пробитая пулями шкура, поросшая рыжей, местами плотно свалывшейся шерстью, покрылась зигзагами обильных выделений, сочившихся из отверстий, а вздутая пузырями слюна свисала мерзкой, вязкой бородой. Жёлтый напор струи, бивший меж задних ног, рыхлил землю, а узловатые суставы колен по-прежнему негнулись. Верблюд стоял как вкопанный.

«Почему он не падает? – гремело в голове солдата. – Почему?»

Если бы верблюда интересовал тот же вопрос, вряд ли бы у него нашлось объяснение этому фантастическому феномену. Его поглотил всепожирающий ужас. Тот самый животный ужас, который парализует всё! От копыт до холки! И в этом страшном состоянии нет места беснующимся сигналам, барабнящим в мозг о жутких страданиях плоти. Раздавленный тоннами рухнувшего на хребет кошмара, он не ощущал боли из-за смердящего дыхания смерти.

В верблюжьем зеркале глазного яблока появилась вторая тень смерти в камуфляже. Через мгновение пуля разорвала радужную оболочку, выбросив студенистые ошметки из проволочных обрамлений ресниц, и угнездилась в самом средоточии центральной нервной системы.

Голова животного мотнулась, туша стала оседать и завалилась на правый бок, подмяв под себя труп погонщика, убитого несколькими секундами раньше. Левая задняя нога судорожно вытянулась и задралась, указывая в небо двупалой ступнёй. Точка в боевой операции была поставлена.

– В следующий раз бей в голову! – посоветовал Максим автоматчику, покачав перед его лицом, как учитель указкой, дулом пистолета, из которого был произведён решающий выстрел. – Зачем животину мучить?

Парень кивнул, облизал пересохшие губы, подобрал с земли пустой магазин и вытянул шею, глядя на издохшую скотину. Для него это была первая боевая операция, первый бой и первый убитый им враг. Не верблюд, конечно же. Ведь вначале он загасил «духа», а уж потом по неконтролируемой инерции стал расстреливать ни в чём не повинного верблюда. Застрелив афганца, он не смог разжать палец на спусковом крючке и палил, палил, палил в огромный шерстяной непробиваемый щит, тарашивший на него бильярдный шар с чёрной пуговицей зрачка.

Мягко, по-кошачьи ступая в кроссовках «Кимры», Максим обошёл труп верблюда, на секунду замер, сгруппировав-

шись барсом перед прыжком и всматриваясь в лежащего человека, затем резко выпрямился.

– Иди, обшарь своего первенца!

Укладывая пистолет Стечкина в кобуру, он с ухмылкой отмечал, как «зелёный» ещё крепче вцепился в «АКСМ» и с трудом тронулся на каменных ногах. Максим прекрасно понимал состояние солдата, только что прошедшего боевое крещение. Когда-то он тоже убил в первый раз. Такое никогда не забудешь! Чужая смерть своими руками. Это надо принять и переварить. Ты в спецназе.

– Смелей, – подбодрил Максим. – Не укусит.

Парень положил автомат на землю и неумело стал обыскивать полупридавленного верблюдом мертвеца.

– Да ты его сначала вытащи, – советовал Максим, одновременно контролируя, как остальные десантники занимаются осмотром места боя. – И на спину его клади, так удобней шмонать! Да не трусь! Считай, что это манекен.

Пока «зелёный» возился с душманом, Максим закурил сигареты «Луч». Табачный дымок, закрученный тёплым ветерком в штопор, вытягивался в длинное прозрачное сверло, которое гнулось, источалось и рвалось. Разъединённые волоски рассыпались в хрустальном воздухе, примешиваясь к неподражаемой роскоши аромата гор. Горы... «Лучше гор могут быть только горы!»

Максим любил горы. Особенно свои – Саяны, которые он излазил со своим дедом охотником вдоль и поперёк. Эти то-

же были красивыми. Но вместе с тем коварными и злопамятными, прячущими у себя за пазухой смертельные гостинцы. Здесь давно уже не было мира и вместо скупых дождей вершины, склоны и ущелья орошались человеческой кровью. Оттого так ярко по весне алели крупные маки с угольно-траурными пестиками.

– Русанов!

Максим утопил окурок в набравшейся под верблюдом и пока ещё не успевшей просочиться в каменистый грунт луже и направился к позвавшему его взводному.

– Что у тебя?

– Всё тип-топ, товарищ капитан. Без сучка и задоринки. Все целы. Даже зацепов нет.

– Молодой как?

– Справился. Открыл лицевой счёт.

– Присмотри за ним, сержант, сам знаешь, что с первого раза может быть.

– Пусть привыкает.

– Подчищаемся и через пять минут выдвигаемся. Вертушки на подлёте.

– Есть.

Максим вернулся к оставленному трио: двум трупам и живому.

– Ну, что у тебя? – спросил он и сам себе удивился на произвольно сделанную им копию офицерского вопроса.

– Вот, – в протянутой руке молодого солдата пестрела пач-

ка сложенных вдвое купюр, испачканных кровью.

«Пакистанские реалы», – безошибочно определил Максим

– Возьми себе. Купишь чего-нибудь у духанщиков.

– Но ведь это...

– Это трофей! – фраза была грозной и тяжёлой, как удар молотобойца по наковальне. – Понял? Не слышу!!! – заорал Максим. – Понял?

– Так точно! – выпалил уже обстрелянный солдат. – Понял!

– А то, что они заляпаны, плевать! Тут всё и все в крови! Это война! И радуйся, что ты успел убить этого духа, а не он тебя! Так что живи и воюй, чтобы оставаться живым! – Максим перешёл на спокойный тон и продолжил. – А эти бумажки – твоя награда! В наградном списке твоя фамилия ещё не скоро появится. Так что бери трофей. Без чистоплюйства! Законы войны это не правила для рыцарских турниров. Зато есть иное правило: деньги не пахнут!

20 бойцов из разведгруппы 459-ой отдельной роты спецназа Главного Разведывательного Управления Генерального Штаба Министерства обороны СССР отработали быстро и профессионально. Безукоризненно, и главное – без потерь! Выполнив поставленную задачу, десантники возвращалась на место своей постоянной дислокации на юго-западной окраине Кабула.

Когда цепочка шурави в камуфляже перевалила за гре-

бень и исчезла, мудрые стервятники, до этого терпеливо нарезавшие в небе круги, один за другим слетелись к разбросанным телам и расселись зловещими тенями вокруг бездыханных тел. Богатое пиршество ждало сегодня падальщиков. 9 убитых моджахедов и изрешечённый труп верблюда с призывно задранной кверху окоченевшей ногой. Шлагбаум открыт!

Едва первая птица вонзила клюв в выбитый глаз дромедара, как вся стая, сметая со своего пути последние крохи осторожности, кинулась терзать добычу. Клёкот, хлопанье крыльев, звуки рвущихся тканей кожи и мышц облепили небольшое плато, нагнав новую волну страха на развьюченных ослов и верблюдов разгромленного каравана. Раскалённое око светила, катившееся к искривлённому горной каймой горизонту, отводило падальщикам чуть больше часа. Ночью заправлять пиршеством будут шакалы.

В брюхе вертолёта Максим занял место рядом с «зелёным», легонько саданул его локтем в бок, чтобы отвлечь того от тяжёлых мыслей, и с удовольствием вытянул ноги, закрывая глаза.

Он вспомнил, как попал в Афган после учебки, и горячий тугой воздух в Кабульском аэропорту мгновенно обволок сознание, давя на барабанные перепонки заунывным воем муэдзина. Их встречали два сержанта. У обоих обычные армейские хэбешки. Об их принадлежности к ВДВ говорили лишь эмблемы-парашюты и треугольники тельников, врезавших-

ся полосатым клином в верхнюю пуговицу курток.

– М-да-а-а, соколики... – посмотрев на обосновавшееся в кузове грузовика пополнение протянул один. – Что ж вас в Союзе, не предупредили что ли? Ваши голубые береты, что красная тряпка для быка. Убить десантника для душмана – это прямая дорога в рай! – он повернулся к собрату за советом. – Что придумать-то? Пока их везти будем, беду на себя накличем.

– Пускай ложатся на пол, – предложил второй.

Новички тревожно зашевелились. Им явно не хотелось становиться мишенью.

– Лучше пусть снимут свои васильки.

– Правильно! – одобрил товарищ. – Сдавайте свои береты!

Новенькие блинчики головных уборов больше не вернулись на темечки своих законных владельцев, став украшением дембельского комплекта парадки.

Потом, когда их привезли в армейские модули, служившие для личного состава казармой, к Максу подвалил мордатый старожил и требовательно тьякнул:

– Водички хочется! Метнулся!

Утолить жажду ему не удалось, а вот пойти пришлось. В направлении на выбор. Отбрив заносчивое рыло, Максим вместе со всеми приступил к освоению жизненного пространства, но был удостоен чести быть приглашённым в каптёрку. Пяток свирепых харь, сидящих полукругом, исполосовали его колючими взглядами. Кто-то проронил:

– Этот?

– Этот, этот! – услышал он знакомый голос, вырвавшийся из знакомой бритой головы, высунувшейся из глубины коморки.

Не надо было иметь семи пядей во лбу, чтобы с большой долей вероятности предвосхитить грядущее событие по приобретению восьмой пяди.

– Откуда такой борзый?

– Из Саяногорска... Хакасия... – ответил Максим и обобщил. – Из Сибири...

– Из Сибири? – огромный торс встал на ноги и явил собой исполина с буграми мышц и косою саженью в плечах. Максим с его метр девяносто два оказался на голову ниже. – А я из Красноярска. Рядом. Земеля, значит.

Гигант вышел из круга и с гримасой улыбающейся гориллы положил левую длань на свеженький погон.

– Зёму трамбануть, что дома побывать!

Афоризм был подкреплён мощным убеждением сокрушительного апперкота. Правила армейского общежития доводились методично и профессионально, что позволило Максиму быстро усвоить урок. Так сенсей восстановил статус кво, одновременно с тем вложив в живую макивару первый блок фундаментальных знаний воинского миропорядка.

А потом, спустя неделю сибирского Геркулеса отправили домой в цинке. Он подорвался на mine. Были отправки ещё и ещё. У подразделения, участвующего в боевых операци-

ях, всегда потери. И ужасающая для мирного времени процедура обретала характер неизбежного и запланированного фактора. Грузом 200 в чёрных тюльпанах улетало на родину много, слишком много парней. В Афгане беспрестанно шли свинцовые дожди, в Союз тянулся цинковый поток.

Грохот винтов Ми-8 перешёл в свист, и машина зависла. Прилетели.

Максим открыл глаза и покосился на молодого. Былая бледность лица, проступавшая даже через загар, пропала, но напряжённое выражение лица осталось прежним. Теперь это был другой человек. Человек, умеющий распоряжаться чужой судьбой.

Глава 5. Прогулки на свежем воздухе

Жорик Караваев скомкал лицо в кислую гримасу. Появившаяся на столе жестянка с растворимым индийским кофе оскорбляла вкусы эстетствующего гурмана.

– А французского нет?

– Ну, если ты кофемолку вылижешь... – съязвила Люда. – Ты уже который раз задаёшь один и тот же вопрос! Сколько можно?

– Дядя из Парижа передавал две пачки!

– А мог бы три.

– Неужели весь выпили? – он сделал вид, что не расслышал замечания. – Что-то он подозрительно быстро кончился.

– Одну я отдала маме! Ты же знаешь, как она обожает ко-

фе! – жена поставила перед мужем чашку с блюдцем. – А другую, естественно, выпили.

– Так, значит, – тихо произнёс Жорик задремавшим от раздражения голосом. – Я несу всё в дом, в семью, а ты всё раздаёшь! Налево и направо!

– Ну как ты можешь говорить такое! – всплеснула руками Люда.

– А разве не так?

– У тебя сформировалась мещанская позиция? Конечно не так! Но если для тебя это болезненно, и один пакетик кофе для тебя важнее родственных чувств... – она блеснула обиженным взглядом. – Что ж! Учту обвинения и исправлюсь!

– Никто тебя не обвиняет! – Жорик сунул в банку чайную ложку и зачерпнул порошок.

– Тогда упрекаешь, – изменила формулировку Люда.

– Да нет же! – кофейная пыльца разлетелась по клеёнке. – Чёрт!

– Не сори!

– Сорри! – извинился Жорик и швырнул ложку в чашку.

– И не бей посуду! Это наш свадебный сервиз! Саксонский фарфор!

– Этот фарфор требует настоящий кофе, а не этот суррогат!

– Ну, так достань!

– Чтобы потом спрашивать – где? Лучше послушай меня,

Людок, очень внимательно! – Жорик откинулся на спинку стула и скрестил на груди руки. – Я востоковед, а не фарцовщик. И у меня нет возможностей, да и желания решать вопросы по устранению дефицита. Этим должно заниматься государство. Слава Всевышнему, мой отец обеспечил нас на первое время всем необходимым. Эта кооперативная квартира была приобретена для нас моими родителями. Машина – тоже. Даже мебель – он провёл подбородком слева направо по пространству кухни. – Также на их деньги, – он сделал многозначительную паузу и продолжил. – Стажировку за границей тоже они помогли организовать. Работа в АПН – благодаря связям отца. И тебя, не забывай, в «Интурист» взяли по его протекции.

– Покорнейше благодарю! Только если хочешь знать, я написала заявление об увольнении! – это был даже не козырь, а сокрушительный удар припасённой «пустышкой» забивающего насмерть козла.

– Как? – для него это был настоящий нокдаун.

– А вот так! Не нравится мне быть гидом-переводчиком! Чувствуя себя прислугой! И арабы со своими откровенными взглядами надоели! Решено! Окончательно и бесповоротно! В понедельник подаю заявление! Сегодня не стала, не хотела начальству портить настроение на уик-энд.

– А для меня, я понимаю, ты эту новость приберегла на десерт! – Жорик вцепился пальцами в край стола.

– Хотела обсудить это в спокойной обстановке, но ты сце-

ну устроил по поводу кофе.

– Я?

– Ты!

– Ну, всё! – не нашёлся, что сказать Жорик и встал. – С меня хватит!

Он собрал бумаги, сложил их в дипломат, взял ключи от машины, обулся и стал надевать куртку.

– Куда? – любопытствовала Люда.

– В Йемен! – твякнул Жорик. – За свежим урожаем мокро! Мешка хватит?

– Жорик, ну прекрати! – её лицо приобрело выражение просительницы в кабинете всесильного чиновника. – Не надо никуда ехать!

– Надо! – он взялся за дверную ручку.

– Хочешь, я извинюсь!

– Нет!

– Ну, я виновата! – она встала на цыпочки и чмокнула мужа в щёку. – Давай сюда дипломат.

Он едва не поддался на уговоры, но уязвлённое мужское самолюбие дёрнуло его за язык.

– Отстань! – звякнул колокол.

Дверь хлопнула, и на бетонные ступени посыпались удары удалявшихся штиблет. Жорик не стал вызывать лифт, не дав жене возможности удержать себя на лестничной площадке.

Огорчённая разладом Люда вернулась в квартиру и заплакала, роняя капли соли в раскрытую сахарницу. Обиженный

же Жорик выгнал из гаража ВАЗовскую шестёрку и погнал её в центр города.

Вождение успокаивало. Свободная от машин дорога не требовала к себе пристального внимания и сосредоточенности. Горечь постепенно исчезала, уходя в песок тяжёлой влагой. Жорик не заметил, как доехал до Садового кольца, перебрался через Москва-реку по Крымскому мосту и выкатил на Ленинский проспект. Только завидев стелу с памятником Гагарину, он сообразил, где находится. Жорик колесил в юго-западном направлении ещё минут пятнадцать, потом развернулся и, останавливаясь на светофорах и роняя пепел в приспущенное окно, поехал обратно. Мелькавшая за окном Москва, не верившая ни слезам, ни жалобам, напустила матовую плёнку сумерек и неожиданно разрыдалась мелким дождиком. У неё сегодня тоже было гадкое настроение.

Жорик вышвырнул окурок, закрыл окно и включил дворники. Прохожие на тротуарах раскрыли зонты, а стоявшие на остановках люди забились под навесы. Приближаясь к одной из таких остановок, он заприметил мужчину с портфелем, в сером плаще, с поднятым воротником и в шляпе. Его правая рука, обтянутая чёрной кожаной перчаткой, повисла параллельно асфальту. Немного поколебавшись, Жорик мягко подкатил к ловцу такси.

– Добрый вечер! – поздоровался мужчина, открыв дверцу.

– Добрый, – ответил Жорик и подумал: «Какой он, к чёрту, добрый!».

– Измайловский парк! – сказал незнакомец.

– Садитесь, – кивнул Жорик. Ему было всё равно куда. Хоть на Луну.

Незнакомец сел и промолчал всё дорогу. Жорик хотелось поговорить с пассажиром. Он несколько раз поворачивался в его сторону, но, не видя его лица, скрывающегося за поднятым воротником и полями шляпы, раздумал завязывать беседу.

«И этот не в духе, – определил он. – Что за день?!»

Получив в награду трёхрублёвую купюру, Жорик усмехнулся побочному доходу и проводил молчуна взглядом. Серый плащ превратился в размытое дымное пятно и растворился во влажном покрывале наползающей ночи. Налетевший порыв ветра сорвал с клёнов красно-рыжую листву и понёс её по улице. Несколько квитков прильнули к лобовому стеклу, закрыв на секунду обзор, но щётки дворников смахнули яркую аппликацию.

Дождь, слякоть, листопад... Сплин, хандра, тоска зелёная... Осенняя меланхолия.

Жорик добавил к октябрьской грусти печальный вздох и поехал домой. Вечерний моцион, даже пусть и на колёсах, вещь всё же достаточно полезная.

Такого же мнения, по-видимому, придерживался и «серый плащ». Тем паче, что морось прекратилась, и тучи поползли к востоку, расчищая небо. Прогулка на свежем воздухе в зелёном, насыщенном кислородом лесном массиве

возымела для организма оздоровительный эффект. Для человека, занимающего ответственный пост на напряжённом участке работы, вещь просто необходимая после трудового дня. Мужчина неспешно отмерял шаги по дорожкам парка, менял направления, останавливался у скамей, примеряясь, можно ли сесть на их сырые планки и шёл дальше. В праздничном шатании он как бы ненароком, оказался у череды металлических коробок гаражей, вытянувшихся в неровную шеренгу на окраине парка. Ворота боксов были заперты. Владельцы автомобилей в это позднее время торчали дома в тепле у телевизоров. Любителей бега трусцой и собачников со своими четвероногими друзьями этот уголок парка, видать, не манил. Да и погода совершенно не располагала к прогулкам.

Окончательно удостоверившись, что в этом безлюдном месте он один, серый плащ шмыгнул в щель меж двух ржавых стенок с клоками отслоившейся краски и глухо выругался, наступив на что-то мягкое и склизкое. Здесь явно ступала нога человека, чей потревоженный продукт жизнедеятельности, прикрытый палой преющей листвой, шибанул в нос смердящей гадостью.

У него был электрический фонарь, но он им не воспользовался. Кромешный мрак еще не успел накрыть узкий тупик, и напряжённый взгляд смог различить в загаженном закутке слежавшуюся за годы кучу хлама, посыпанную сверху осколками битых бутылок, тряпьем промасленной ветоши и

размокших листов газет. Мужчина достал из портфеля бумажный свёрток и развернул его, выуживая пальцами мятую жестянку с утопленной крышкой.

Зажав портфель меж колен и нагнувшись, он аккуратно втиснул пустышку «кильки в томате» в горб мусора. Крохотный ландшафт нисколько не пострадал от нововведения, приняв в своё лоно новый предмет. Устраивая банку, мужчина брезгливо морщился и не дышал. Он старался уберечь свои рецепторы обоняния от витавших вокруг миазмов, распространявших гадкое «амбре» потревоженной клоаки.

Когда он закончил дело и выскользнул из железного аппендикса, оскудевшие лёгкие жадно всосали в себя сырой воздух парка. Мужчина поправил брюки, имитируя возню с шириной, застегнул плащ, тщательно отёр подошву о траву и пошёл в сторону станции метрополитена. Вокруг по-прежнему было ни души.

Как порой хорошо одиночество! Но как редко удаётся быть наедине с самим собой! А оставаться самим собой – задача трудная вдвойне!

Фигура в плаще поёжилась и втянула шею в воротник так, что его край уперся в полы шляпы.

Ночное время замазало сажей болезненную бледность западного крыла горизонта, и парк погрузился в темноту. Только там, где включились лампы фонарных столбов, темь была бессильна, с угрюмой злобой окружая архипелаги света. Силуэты людей принимали причудливые формы, смешива-

вались с теньями и, выходя за пределы освещённости, заглатывались пастью вселенского мрака.

Мрак пугал и страшил своей бездонностью и чёрной вечностью. Но для кого-то он был верным союзником. Едва различимый человеческий абрис проплыл вдоль гаражей с бесшумностью бесплотного духа и исчез в заветной щели. Выпорхнув оттуда через две минуты, призрачный субъект растаял яко тать в ночи.

Глава 6. Визит

К завтраку его не позвали. Отец был на работе (по субботам он всегда ходил на завод добровольно, по своему желанию: разбирать бумаги, осматривать печи, проверять работу цехов), мать дежурила в поликлинике, а бабушка отправилась за покупками на базар. Оставшийся дома дед, давно отказавшийся от спусков на грешную землю с высот пятого этажа и добровольно избравший затворнический образ жизни, сидел в своём кресле у телевизора.

Заглянув в зал и поприветствовав деда, Сергей направился на кухню. В приоткрытую форточку сочился тяжёлый дух кочевого стойбища. Соседи снизу варили баранину, завяленную ещё летом. Животное, бляевшее и ронявшее чёрные теплые шарики под свои копыта, тосковало на балконе три августовских дня, а потом освободило импровизированный загон. Спустя час после его исчезновения по вентиляционному каналу пополз удушливый смрад палёной кожи и жжё-

ной шерсти. В ванной на четвёртом этаже свеживали и разделявали тушу.

Потом балкон вновь заполнился. На этот раз изделиями из отмучавшегося барана, преподнесённого декану технологического института удачливым абитуриентом. На бельевых верёвках повисли облепленные мухами марлевые коконы, обтягивающие куски парного мяса.

Открыв холодильник «Памир» и осмотрев его полки, он обнаружил эмалированную миску с мантами, которые были отправлены на сковороду, быстро поджарены, политы соусом «вырви глаз» и с аппетитом уничтожены. Запив плотную пищу чаем с вишнёвым вареньем, Сергей помыл за собой посуду и начал одеваться.

Сегодня у него было свидание с девушкой и надо было заранее купить билеты в кино на вечерний сеанс, иначе потом их просто не достать, и тогда появиться большая доля вероятности угодить в идиотское положение.

Как-то раз он уже дискредитировал себя в глазах противоположного пола и с мерзким чувством жалкой беспомощности и бессилия плёл какую-то несуразицу в собственное оправдание. Наученный чёрным опытом и став более предусмотрительным, он теперь старался делать всё заранее, дабы избежать попадания в переплёт.

Заправив батник в джинсы «Voxer» и накинув на плечи подтяжки (дембельский комплект его гардероба), Сергей сунул в карман деньги и посмотрелся в зеркало. Хорош, кра-

савец!

Звонок в дверь застал его за выравниванием косо́го пробо́ра. Убрав расчёску, он открыл дверь. На пороге стоял высокий стройный мужчина казах с аккуратной стрижкой и пытливым взглядом.

– Здравствуйте! – сказал незнакомец. – Семья Острогор здесь проживает?

– Да... – подтвердил Сергей и с запозданием ответил на приветствие.

– Можно пройти?

– Да, да, конечно! Но если вы к Николаю Семёновичу, то он на работе и будет после двенадцати.

Отцовские сослуживцы нередко заглядывали к ним, чтобы передать какие-то известия или о чём-то посоветоваться. Телефона в квартире не было, вот и приходилось при срочном деле идти говорить на дом по производственным вопросам.

– Да нет, Сергей, я к вам, – гость вытер подошвы туфлей об вьетнамскую циновку овальной формы, лежавшую снаружи перед порогом, и вошёл.

– Ко мне? – Сергей, пряча удивление, закрыл за гостем дверь. – Тогда туда, пожалуйста.

Мужчина снял плащ, повесил его на вешалку, разулся и последовал в указанную комнату.

– Сейчас я поставлю чай, – сказал Сергей, следуя законам восточного гостеприимства, но визитёр сделал красноречи-

вый жест.

– Чутьочку позже. Сначала мне хотелось бы представить-ся, – он вынул из внутреннего кармана пиджака удостоверение и развернул его. – Капитан комитета госбезопасности Нурланов Шарип Ибрагимович.

Пока красная книжечка закрывалась и водворялась обратно, Сергей, сбитый с толку столь уникальным явлением офицера спецслужбы по его душу, совершенно потерялся и прокручивал в голове всевозможные варианты возникновения той самой причины, что вызвала к нему интерес такого грозного ведомства.

Это ж КГБ! КГБ!!! Зачем я им? Что я натворил такого? И где? Когда? На свадьбе? Точно! Я там анекдот про Брежнева рассказал, как он просил, чтобы во время похорон его положили в гроб лицом вниз. Для чего? А чтоб через лет пять откопать и в зад целовать! Или вот ещё: наша страна немного понебрежничала, а теперь придётся много погорбатиться! Все смеялись. Но ведь сталинские репрессии в прошлом, и за это давно не сажают! Тогда за что сажают? Думай, думай! Может, Байконур? Напортачил при прокладке кабелей? Ошибся при распайке контактов? Неверно установил датчики? Да вроде всё правильно делал. А если бы неправильно, то давно б уже обнаружилось... Там военная приёмка суровая. Ого-го!!! Сколько раз приходилось переделывать то, что на гражданских объектах приёмная комиссия подписывала, не глядя. А вдруг всё это из-за нарушения режима? Пару раз

из любопытства пролазил в секретные блоки монтажно-испытательного комплекса... Неужели в самом деле за это? Теперь отписываться придётся... Да уж, влип!

– Может, присядем?

– А? – встрепенулся Сергей и, поняв, что ему предлагают, подставил стул, а сам сел в угол дивана.

«Чёрт! Цыган! – продолжала работу мысль. – Он же подогревал солдат дурью! Клубок размотали, и теперь думают, что и я анашист! Зараза! А если тут вовсе не это! Может, ниточка из Германии? Узнали про западноберлинскую свалку? Про прослушивание на боевом дежурстве «Голоса Америки»? Или про выход в эфир открытым текстом? Вот так заваруха! Теперь только держись!»

– Сергей! – голос капитана пробился как сквозь ватные тампоны. – Знаешь что, давай-ка сначала в самом деле попьём чаю.

– Ага! – Острогор взвился распрямившейся пружиной. – Сейчас принесу!

– Неси, а я пока твою библиотеку посмотрю! – Нурланов поднялся со стула и подошёл к навесным полкам с книгами. – Разрешешь?

– Да что вы спрашиваете!

И он умчался за посудой, оставив гостя в отличном настроении. На тонких губах капитана затеплилась улыбка. Он был рад ошеломительному эффекту, произведённому им на парня. Биографию Острогора он знал назубок, в ней для

него не было ни белых, ни чёрных пятен. Оставалось пустить зонт при непосредственном контакте, а потом вывернуть Острогора наизнанку. А пока он вытянул за корешок томик Фейхтвангера «Лисы в винограднике» и присел на диван полистать томик немецкого классика.

Глава 7. Москва и не москвичи

Мужчина с худым вытянутым лицом и несколько тяжёловатой для его наружности квадратной челюстью уверенно вёл автомобиль по хорошо выученным за два года улицам враждебного города. Его цепкий взгляд, зорко следивший за дорогой, словно зеркальный объектив фотоаппарата, фиксировал кадры, откладывая их в хранилище натренированной памяти. Любой предмет, любая деталь, даже самая незначительная, как это могло показаться какому-нибудь обывателю, могла ему пригодиться. В его классификаторе не было раздела «пустяки»: всякий нюанс или суцзя мелочь имели вес и ценность.

Мелочи – это исходный материал, формирующий общую ситуацию. Это гранула базальта или крохотный кубик смальты, выкладываемые под рукой мастера в мозаичное полотно. Детали создают шедевры и плетут сложные узоры.

Водитель плавно вписался в поворот и поднял глаза на зеркало заднего вида. Белая «Волга», идущая третьей от него по счёту в потоке машин, по-прежнему следовала за ним неотступно. Её крыша, «провалившаяся» от линии вообра-

жаемой плоскости в ряду прочих поверхностей легковых машин, свидетельствовала о большой массе автомобиля. Спецпаратура, установленная в багажнике, весила немало.

Ричард Стоун глубже утопил педаль акселератора, и чёрный «Форд» прибавил скорость, вливаясь в поток, гудящий на проспекте Калинина. Висевший на хвосте «Газ 24» отстал и вскоре вовсе исчез из поля зрения. На Большой Каменный мост американец поднимался без привычного эскорта.

Стоун всегда ездил один. Того требовал его специфический род деятельности. Но как же ему хотелось, и как же он мечтал о личном водителе. Как у посла. Но пока его статус не позволял иметь такой особой привилегии. Ничего... Когда он взберётся на вершину своей карьеры, то непременно возьмёт себе шофёром молоденькую женщину! По примеру генерала Эйзенхаура. Но обязательно превосходящую Кэй Сомерсби по всем антропометрическим данным!

Выскочивший из правого ряда «Жигулёнок» заставил его резко нажать педаль тормоза. Видение очаровательной красотки, мягко обжимавшей холёными ручками рулевое колесо и излучавшую вселенскую преданность своему патрону, исчезло безвозвратно, оставив после себя шлейф сладковатого запаха духов. Но это был обман яркого привидения. С его губ слетело короткое бранное слово.

Снежинки, быющиеся белыми мухами в ветровое стекло, разлетались в стороны, падая на асфальт и в чёрную воду Москва-реки. Выросший сундук Дома на набережной, с его

многочисленными мемориальными досками жертв, принесёнными Сталиным всепожирающему и ненасытному Молоху Власти, тяготил своей давящей угрюмостью обители коммунистических призраков. Но Стоун уже привык к этому каменному саркофагу, перестав испытывать к нему неприятные эмоции. В этом была заслуга расположенного в здании театра эстрады, куда он порой наведывался на концерты. Шила в мешке не спрятать, как говорят русские: нравились ему концерты некоторых советских артистов.

Спустившись на набережную, он бросил взгляд на Большой кремлёвский дворец и тусклые, в отсутствие солнца, тюрбаны храмовых куполов (смогли же итальянцы создать для москвитов такую красоту!), проверил за собой «хвост», его не было – и сбавил скорость, подкатывая к дверям театральных касс.

Выйдя из машины, он вальяжно, с достоинством дипломата могущественной державы, прошествовал к дверям и вошёл внутрь. Просмотрев афишу с репертуаром (а заодно скрытно бросив взгляд в окно для проверки) и изучив расположение мест на макете, он вынул кожаный блокнот и принялся делать в нём пометки. Женщина, приобретающая в окошке билеты, ушла, и он остался один. Подождав несколько минут, Стоун, ещё раз кинув взгляд на улицу через стекло, убрал записную книжку обратно, глянул на наручные часы и медленно вышел.

Билет он возьмёт в следующий раз, а сейчас поедет в по-

сольство. Сев в машину, дипломат направил её в гараж американского диппредставительства.

На Садовом кольце «Форд», точно скакун, почуявший своё стойло, готов был взять разгон и с финишной эффектной резвостью чистокровного жеребца горделиво пронести своего хозяина по двору, но седок неожиданно передумал. Не докатив 30 метров до ворот, водитель ещё раз сделал полный обзор, посмотрев не только в салонное зеркало, но и покрутив головой по сторонам, и прибавил оборотов мотору. Железный конь удивился решению наездника, но покорно подчинился и промчался мимо посольства.

– Первый, я третий, – ожил московский эфир.

– Первый на связи.

– Наблюдение с объекта снято. Приём.

– Вас понял. Возвращайтесь на базу. Конец связи.

Снегопад усиливался, покрывая город белым пухом. Русская зима, воцарившаяся в городе, надолго захватила власть, хороня под растущими сугробами фантомы ушедшей осени.

Стоун нахмурился. Москва, столь разительно отличавшаяся от Нью-Йорка, видимо никогда не устанет строить ему козни. Она, как нарочно, так и норовила удивить его или застать врасплох неприятным сюрпризом. Эти обильные осадки никак не входили в его планы. Но другого удобного случая может и не представиться. Он прекрасно это осознавал. Когда ему ещё раз удастся так удачно избавиться от слежки? Выбирать не приходилось.

Снег конечно мешал. На нём оставались следы. Но тот же снег, при его большой интенсивности, а в этом сегодня сомневаться не приходилось, быстро уложит новый слой холодного пуха и всё надёжно скроет. Представившийся шанс надо было использовать.

Американец скосил глаза на спортивную сумку, лежащую на пассажирском сиденье. В её утробе покоился искусственный камень, таивший в своей полости особую начинку. Этот подарочек предназначался для весьма дорогого адресата. Он будет рад получить столь ценный презент к наступающим новогодним праздникам.

Физиогномические мышцы лица слегка ослабились, и худощавое лицо тронул призрак сдержанной улыбки. Мысли о предстоящих рождественских каникулах дали настроению позитивный ход, запустив генератор положительных эмоций, который, однако, тут же был заглушен неусыпной автоматикой высокого самоконтроля.

До отпуска надо было выполнить задание и лишь потом позволять себе роскошь предаваться сладким мечтам о долгожданном отдыхе. А он был ему крайне необходим. Напряжённая и нервная работа в варварской стране сказывалась на его самочувствии. И если повседневные стрессы придётся постоянно снимать изрядной порцией крепкого алкоголя, то можно плохо кончить. Нужен отдых! Пауза на покой! Полная релаксация!

Правы американцы со своим менталитетом, насквозь про-

питанным утилитарным рационализмом. Тот, кто не умеет вовремя отдыхать, умирает молодым.

А дипломат из США умирать не намеревался. Он хотел жить и жить! Жить хорошо и уж никак не менее восьмидесяти лет! Свои сорок три года он расценивал как начало расцвета собственной жизнедеятельности. И впереди были масса дел, перспектив и грандиозных планов.

Глава 8. Февраль на Чёрном море

Благословенное небесами черноморское побережье... Сладкое нашёптывание волн, нежный песочек пляжа, ласковое солнце... Рай и блаженство! Грёзы и манна для жаждущих морских прелестей отпускников, истомившихся по пансионатам отдыхающих и вертопрахов-транжир с пузатыми кошельками, набитыми дурными деньгами. Гуляй, нежись, оздоравлийся!

Но это в сезон. А поезжайте-ка вы в этот эдем в феврале! Вот где вас проберёт до костей курортная изнанка. В этот самый короткий в году месяц вы получите самые яркие впечатления о Чёрном море, которые, это можно смело гарантировать, врежутся в память на всю вашу долгую – пусть так оно и будет, интересную и полную приключений жизнь!

Никому, даже изворотливому сумасброду со стажем не ударит вместе с мочой в голову идея, раздеться зимой до исподнего и бросить своё брэнное тело у кромки воды. Сумасшедший, хоть и тронут рассудком, но инстинкт самосохранения

нения в его организме живуч и неистребим, как стафилококковая палочка. И нет такой палочки-выручалочки, способной наполнить в холодную пору номерной фонд здравниц, курортов и гостиниц черноморских городов.

Сезон принимать солнечные, морские и воздушные ванны – он непостоянный. И нормальные люди едут загорать сюда в другие времена года. Прочая категория или, уместней сказать, отдельный немногочисленный контингент, способен любоваться морскими красотами уникальных и полезных для здоровья мест «и в дождь, и выюгу». Причём за казённый счёт!

Владимир Марков был из этой самой группы. Той самой, что с 18-летнего возраста ставят под ружьё. Кого в сухопутные войска, кого в ВВС, кого в ВМФ. Маркова угораздило на черноморский флот. По ложному мнению некоторых – курортный. Теперь вот он стоял на вахте и мёрз трясущимся цуциком в зимней промозглой предрассветной хмари. Амба!

Ему не припоминалось, чтобы он так же мёрз в карауле Кронштадтской учебки «Школа оружия имени Ивана Сладкова», где он постигал азы специалиста электронно-вычислительной техники. А ведь там Балтика! Климат посуровой здешнего, пусть и тамошние тельники потолще! Эх, поскорей бы в кубрик и в люльку!

Бушлат не грел, тельняшка не держала тепло, через подошвы «прогар» по ногам ползла неистребимая сырость – пролог заслуженного ревматизма. Не помогали даже резино-

вые подошвы, наложенные поверх родных умельцем-маслопупом из БЧ-5 за три пачки сигарет. Марков клял погоду и материл не греющую ни черта одёжку. Хотелось выть белой. Но больше всего ему хотелось есть. Голод нестерпимо донимал.

Сплин на голодный желудок – диверсия против себя своими собственными руками. Грех доводить себя до подобного душевно-физиологического диссонанса. Молодой и здоровый организм нуждается в заботе и надлежащем уходе. Добытая на камбузе не совсем легальными действиями картошка, сваренная в кандейке с применением пара, запущенного из трубосистемы, была съедена ещё вечером. За ночь он поживился пачкой сухих и безвкусных, как картон, галет, экспроприированных из спасательной шлюпки вместе с прочим продуктовым НЗ, и подумывал о консервах.

О, какие же это замечательные плоские металлические дозы, прячущие в себе отменные деликатесы! А как они удобны в применении! Потянул пальчиком за кольцо, скручивая крышку, впустил в нижнюю полость воздух, и гашёная известь, запуская экзотермическую реакцию, сама согрела тебе еду. Чудодейственная штукovina! Скатерть-самобранка в миниатюре! И додумалась же до этого какая-то учёная голова! На, гребни ложкой, рубай от пуза!

Ох, какой же у саморазогревающихся консервов божественный вкус! Смешанная с мясом гречка, перловка, рис! Пища богов! Яства гурманов! Вот где каждый пальчик об-

лижешь!

Но была в НЗ одна лишь банка (не считая ёмкости с пресной водой), начинка которой считалась несъедобной. Для нормальных людей. Или, вернее будет сказать, для людей, пребывающих в нормальном состоянии. Но, сами знаете, голод не тётка.

Так вот, внутренности этой специфической банки предназначались для рыб. Если более точно – для ловли рыб. И когда основной запас пайка уминался, гуттаперчевых червей сажали на крючки и удили на них кефаль. При должной жарке получалось недурственное блюдо!

Образ жареной рыбы пока еще не нарисовался в его воображении, а вот вскрытая жестянка отчётливо стояла перед глазами. Картина была столь явственной, что в дополнение к ней возник отчётливый мираж манящего запаха горячей пищи. Он бесцеремонно вполз в обе ноздри и засверлил там, подёргивая произраставшие в них тонкие струнки чёрных волосков.

У Маркова потекли слюни. Консервы были спрятаны в кубрике, а туда он попадёт нескоро. Надо ждать. Умопомрачительно долго! Убивать на этой вахте издевательски медленно ползущее время и ждать! Ждать, ждать, ждать! Чёрт!!!

Большой противолодочный крейсер «Москва» 4-й год стоял у стенки на северной стороне севастопольской бухты в доке завода имени Серго Орджоникидзе. Марков ещё учился в школе, а авианесущий корабль 1-го ранга уже был постав-

лен на прикол. Во время боевого дежурства в Средиземноморье какой-то «сундук» в нарушении технического регламента дал максимальную нагрузку на винты и заперол движки. И тянули «Москву» в родной порт через Босфор и Дарданеллы на буксире, демонстрируя всему миру испорченный инструмент мирной политики СССР.

Пока 6-й флот США размахивал звёздно-полосатым флагом, бряцал оружием и играл бицепсами, мы добровольно и в одностороннем порядке (причём без всякой помпы и разнузданной идеологической пропаганды) уводили свои боевые единицы из акватории Ойкумены.

Слившийся с чёрным небом и жирной, словно нефть, водой Чёрного моря, силуэт некогда грозного корабля обрисовывался в февральской мгме сигнальными огнями, придавая стальному корпусу зловещее сходство с остывающей тушей парализованного Левиафана. Некогда всемогущее чудовище со смертоносными жалами своих орудий доживало последние часы. Но это впечатление было обманчивым.

Настало утро, и горнист протрубил подъём. Эти опостылевшие звуки трубы тут же стянули лицо Маркова в болезненного гримасу. Сейчас радист врубит проклятую песню, долбившую мозг уже третий год садистским аккомпанементом утренней гимнастики, и организм затрясёт от нервного возбуждения.

Всё так и произошло. Динамик взревел будоражащей музыкой, и вертолётная площадка загудела под топотом сотен

ботинок. С крейсера медленно стала стекать в воду сонная одурь.

«А все бегут, бегут, бегут!!!» – жизнерадостная песня подстёгивала моряков энергичными рифмами.

«Хорошо, что меня там нет! – подумал Марков. – Хотя здесь не лучше! Везде хорошо, где нас нет!» – он вздохнул и попрыгал на месте, хлопая себя руками. Висящий на ремне штык-нож задёргался потревоженным поплавком.

«А все бегут, бегут, бегут, а он горит!», – заливался певец под шлёпанье сотен прогаров по мокрой палубе.

Дыхание жизни и пот разгорячённых тел просачивался в микротрещины крейсера, реанимируя его механизмы и агрегаты. Морской исполин выходил из ночного анабиоза.

Маркову вдруг почему-то вспомнилось, как его чуть было не заставили учить «Яблочко» для выступления на концерте, приуроченного к ноябрьским торжествам. Кое-как отвертелся. Тогда его сунули в другой номер, и в компании таких же, как и он салаг погнали на праздничный концерт. Разумеется не в качестве страстных поклонников эстрады. Был приказ исполнить песню в доме офицеров силами матросского хора, сколоченного на скорую руку. Вот стыдоба-то была! Вот позорище!

Редчайшее зрелище, не зафиксированное кинодокументалистами: матросики с замученными выражениями лиц и в сидящих колами парадках, отражали лысыми черепами слепящий свет ramпы и разевали голодные рты, выталкивая

наружу вызубренный текст культовой песни: «Ленин всегда живо-о-ой! Ленин всегда с тобо-о-ой! В горе, надежде и радости-и-и!».

От гримас и рёва морских котиков со сцены морские волки в зале с трудом прятали улыбки, а их наряженные жёны давились от едва сдерживаемого смеха. Из этого антипода хора имени Верёвки мог бы получиться коллектив «Мы из Кронштадта» с лебединой песней у обрыва, ну а так, по мнению замполита, вышел вполне пристойный номер матросской самодеятельности.

«А почему, почему, почему был светофор зелёный?» – энергично вопрошал певец из динамика.

«По кочану! – злобно отвечал ему в мыслях Марков, продолжая согреться прыжками и похлопываниям ладонями по телу. – Скоро сам тут как светофор буду зелёным!».

Конский топот на вертолётной площадке прекратился. Конкур сменился физическими упражнениями. «Раз-два, три-четыре!» – слышалась команда, и Марков, чтобы разогнать кровь по заочеченевшему телу, стал подпрыгивать и прихлопывать под счёт.

– Что за цирковой номер?

Увлёкшись, он не заметил, как с берега по трапу прокраслась тень.

Марков моментально обернулся и замер, вытянувшись в струну.

– Пляска святого Витта? – офицер особого отдела Рюм-

шин смотрел на него своим обычным бесстрастным и холодным взглядом флегматичного палтуса.

– Никак нет, товарищ капитан-лейтенант!

– Тогда что? Вальс диареи? Или напротив? Полька запора?

– Так, разогревался.

– Забыл корабельный устав, пассажир? Или это сознательное правонарушение? Смотри у меня, живо приведу к меридиану.

– Виноват!

– А как же! – подхватил особист. – У меня, Марков, не бывает без вины виноватых! Вот ты мне только признайся. – Он подошёл к матросу вплотную и вцепился пятернёй в надраенную до золотого блеска бляху, – Магеллан, твоих рук дело?

Магеллан был любимчиком старпома Грицаева, слывшего апологетом корабельного устава и фанатиком воинской дисциплины. К матросам он был суров и не всегда справедлив. Единственное существо, к которому он проявлял снисхождение и даже (как поговаривали) позволял себе выказывать тёплые чувства, был белый говорящий какаду, взятый под широкое и сильное крыло второго человека на корабле.

Три дня тому назад Грицаев обнаружил в потайном месте боевого поста секретчика шесть дембельских альбомов, среди которых был и раритет Маркова, и ничтоже сумняшеся демонстративно вышвырнул их за борт. Снять со связки

заснувшего уборщика старпомовской каюты заветный ключ, прокрасться во вражье логово, открыть клетку и выпустить попугая в иллюминатор – было, как это принято называть, делом техники.

Освобождение птицы из неволи превратилось для матросов в корабельный праздник, для ключника – в адский кошмар, а для бесновавшегося Грицаева – в чёрную полосу бесильной ярости.

Марков сильно рисковал, но месть должна была состояться.

– Магеллана я не трогал, – соврал матрос с честными глазами. – Я не сумасшедший, чтобы подписывать себе смертный приговор.

– Не трогал, говоришь.

– Хуже казни не придумать, чем стать личным врагом товарища старпома.

– Это верно. А что там у тебя с подготовкой к экзаменам? Не запустил?

– Никак нет! Подготовка идёт согласно утверждённому вами графику, товарищ капитан-лейтенант!

– Вот! – одобрительно кивнул Рюмшин. – Зайдёшь ко мне после вахты в каюту.

– Есть!

Особист, мягко ступая начищенными ботинками, бесшумно удалился. Марков шмыгнул носом, поправил ремень со штык-ножом и повернулся всем корпусом в сторону тра-

па. Капля он зевнул. Хорошо, что обошлось. Не пропустить бы ещё кого.

Глава 9. Смотрины

Нахальный мартовский луч беспардонно протиснулся в узкую портьерную щель и полоснул солнечным клинком по массивному столу. Чёрные зрачки сидевшего в кресле человека вонзились в золотой рубец, а правая рука воткнула перьевую ручку в миниатюрное жерло канцелярского бюро и гневно сжалась в кулак.

Это был кулак воина, в чьих жилах текла кровь кровожадных кипчаков, совершавших опустошительные набеги на кочевые станы соседних племён и дальние оазисы богатых поселений. Потомок беспощадных нукеров вскочил на ноги, метнулся к окну и задёрнул штору. Он не терпел вольностей: ни от подчинённых, ни от природных явлений. На его плоском, как сковорода лице бугрился высохший пергамент суровой непроницаемости, а из бойниц глаз целили воронёные дула пистолетов.

Маленькое, но крепко сбитое квадратное тело, с белой рубахой на её верхней части, повернулось затылком к занавесям и заложило за спину руки.

– Так! – исторгнутый звук степного волка известил о новом раунде диалога. –Продолжим! В каких войсках служил?

– В войсках связи.

– Кем?

– Радистом.

– Азбуку Морзе знаешь?

– Так точно. Специалист 1-го класса.

– Хорошо. Это тебе пригодится. Как учился в школе?

– Нормально.

– Это не ответ!

– На четыре и пять! Но в аттестате две тройки. По химии и алгебре.

– Какой средний балл?

– 4,7.

Крупная чёрная голова с коротким «ёжиком», густо посыпанным солью седины едва заметно кивнула и заговорила на нерусском:

– Ду ю спик англиш?

Едва не вырвавшееся: «Дую! Дую!» пришлось подавить лёгким кашлем.

– Йес, ай ду! – ляпнул Острогор и похолодел. Сейчас его припрут к стене и разделают под орех. Английский им преподавали через пень колоду, учителя менялись как перчатки, и итоговая оценка была поставлена «на глаз».

– Так! А как Джамбул назывался раньше?

– Тараз, – у Сергея отлегло. – Еще прежде – Ауле Ата.

– А где мавзолеей Кара Хана?

– В районе стадиона Динамо, – Сергей удивился столь лёгким вопросам.

– А Айша Биби?

– За городом. В селе Головачёвка. По легенде она ехала к хану, чтобы выйти за него замуж. Но во время пути на последней стоянке её укусила змея. Там её и похоронили.

– Хорошо! Историю края знаешь. А как в плане общественно-политической грамотности? Какой, скажем, урожай пшеницы был зафиксирован по республике в этом году? А? Сколько центнеров было снято с гектара в области? Молчишь... Так!

В узких прорезях монгольских глаз мелькнул блеск булатной стали.

– Основные тезисы апрельского пленума партии? Так! – отрывистый слог прозвучал выстрелом в лобную кость, и от макушки до поясницы Сергея Острогора побежала волна мурашек.

Начальник Управления КГБ по Джамбулской области генерал Жингазиев резво обогнул стол и задышал ноздрями приплюснутого носа в подбородок визави.

– Не знаешь?!

Острогор угодил в шкуру тверского князя, державшего ответ перед свирепым ханом Золотой орды, взбешённого видом малого количества привезённой дани.

– Нет, товарищ генерал-майор, – честно признался Сергей.

– Плохо! – изрыгнула сковорода и породила шипяще-булькающие звуки в недрах своей носоглотки. Собранная из полостей вязкая слизь вылетела изо рта и плюхнула

лась в эмалированную плевательницу, стоящую на паркете у письменного стола. Острогор, поначалу ошибочно приняв металлическую плоскую тарелку за кошачью или собачью миску, непроизвольно скривился, но тут же откорректировал мимику, слепив подобающую мину.

– А сколько ступенек на входе в Управление?

– Десять! – рявкнул Сергей, подражая стилистике монолога хозяина кабинета. Поднимаясь сегодня к парадным дверям, он машинально посчитал ступени. Вот повезло!

– Так! – пальнул генерал и положил властную ладонь на плечо собеседника. – Садись!

Острогор сделал попытку вытянуть один из стульев, пригнанных спинками к длинному совещательному столу, но попытка была резко пресечена.

– Нет! На корточки!

«Это ещё что за номер?» – растерялся Сергей, слабо надеясь на ошибочность восприятия данного ему посыла. Но его сомнения решительно рассеяли.

– Садись на корточки!

Плечо, как под прессом, опустилось, и Острогор, принуждённый к занятию нелепой позы, узрел интерьер помещения с высоты пятилетнего ребёнка. Но на этом новизна его ощущений не иссякла. Следующая, более непредсказуемая напасть обрушилась на его голову, зажав её тисками из двух ног.

Генерал-наездник, оседлав импровизированного тулпара,

завёл голени за спину Сергея, схвативши руками за его голову.

– Встать!

Острогор подчинился команде жокея, так и не осознав до конца смысл происходящих экзерциций. В его черепе, плотно зажато тазобедренными тисками, не находилось объяснений происходящему.

– Так! А теперь приседай, считая вслух!

Приступив к испытаниям, Сергей утешал себя тем, что этот абсурд протянется недолго. Опуская генерала вниз и вознося его к потолку, он на 20-м присесте был уже потен, буро-пунцов, как плод созревшего граната и ощущал первые признаки дрожи в коленях.

– Достаточно! – прекратил Жингазиев вольтижировку при счёте «30» и выскочил из седла. – Занимался спортом?

– Футболом и лёгкой атлетикой, – ответил Острогор, восстанавливая дыхание.

– Иди в приёмную и позови мне Нурланова.

– Есть, товарищ генерал! – Сергей повернулся через левое плечо и направился к двери иноходью рысака, поражаясь на ходу непослушной поступи ватных ног. Когда пальцы схватились за ручку и потянули её на себя, за спиной раздалось смачное отхаркивание. Плевков, совершив секундный полёт, метко угодил в коричневато-зелёную жижу, накопленную на дне плевательницы.

«Снайпер! – отметил Острогор, сунув руку в карман за

носовым платком и тряхнув плечами, сбрасывая фантом всадника. – Потрафил аксакалу, покатал на лошадке... Иго-го! – он кисло усмехнулся. – Натурально иго татаро-монгольское! – ему тоже захотелось сплюнуть, но не на ковёр же! Оставалось терпеть. Индивидуальной площадки он пока не заслужил.

Глава 10. Боб

Боб это вам не американская фасолина!

И не обтекаемые сани на полозьях!

И уж совершенно не основа для уменьшительно-ласкательного производного «Бобик»!

Боб – это прозвище. Звонкое и зловещее. Прозвище, нагоняющее страх, подобно имени Атиллы, внушавшего ужас всей Европе.

Но почему именно Боб? Где тут зарыта собака? Откуда корни и в чём соль?

Никто не мог дать точный ответ на этот вопрос. В вариациях недостатка не было, но тайна происхождения этого слова была замурована в стенах кирпичного бастиона, как скелеты в нишах средневековых замков.

Кличка Боб, некогда пришпандоренная Лукомскому каким-то едким подчинённым, намертво въелась в его сущность. И полковник, служивший в Высшей школе КГБ в должности начальника ближневосточного факультета за номером 9, был вписан симпатическими чернилами в реестр

негласного пантеона именно под этим кодовым именем. Под именем Боб.

А вот явные и трудно выводимые надписи о Лукомском нагло красовались в мужских туалетах факультета. Тут был весь винегрет заборного каллиграфического творчества и сборная солянка уникальной пиктографии. Аборигены выражали свои чаяния и отчаянья в графической форме, страшась высказаться их боссу в лицо. Тяги к самоубийству отмечено не было.

Художества неизвестных авторов стирались, выскабливались, закрашивались дежурным нарядом, но тут же появлялись снова. Неистребимая тяга ущемлённых душ к письменным высказываниям была вечной и неистребимой. Сортиры, помимо своей основной функции, давно превратились в кабинеты психологической разгрузки.

Накалякает униженный и оскорблённый фразу: «Боб козёл!!!» и полегчает ему! «Он козёл, а я орёл», – думает автор и слышит, как в подтверждение его дерзновенного и крамольного вывода трещит на его лопатках кожа: это начинают расти крылья.

Но вырасти и расправиться им было не суждено. Они так и оставались рудиментом недоразвитого развития: сказывались суровые условия содержания в неволе.

Полковник Лукомский был среднего роста, сед, грузен, неповоротлив, медлителен и тяжёл в своей неспешной поступи. Кочан, поросший полуседым полувыгоревшим волосом

стриженным под ежа, был так глубоко втоптан в плечи, что исключало возможность делать повороты головы. Для этого манёвра требовалось поворачивать весь корпус, уподобляясь танку с заклинившей башней. Пухлые коротковатые руки всегда свисали вдоль лампас, но никогда к ним не прижимались и были несколько на отлёте от брючин и боков. Подобное своеобразие делало силуэт полковничьей фигуры схожим с очертаниями наконечника копья Циклопа.

Это если смотреть в фас, а если в профиль? С этого ракурса абрис не имел ничего общего с заострённым навершием. Пузо портило контуры свирепого воителя, но разве Марсу требовалась стройность Апполона? То-то и оно.

Большой живот Лукомского выплывал из-за угла раньше всех остальных частей и органов тела, что порой давало шансы его подчинённым вовремя замаскироваться, произвести молниеносную мимикрию или вовсе унести ноги от наползающей грозы. А полковник был грозен.

Его бесцветные и бесстрастные глаза, посаженные оловянными пуговицами под заросли бровей, имели свойства незримых щупалец, обхватывающих объект внимания, от чего последнему становилось не по себе. И если в этом существе ему что-то не нравилось, мясистое лицо полковника багровело, а короткие и толстые пальцы рук, опущенных вдоль корпуса, начинали медленно шевелиться. Потом следовали гром и молнии. Да, кстати, Лукомский носил форму офицера авиации. Так что ничего удивительного в том, что

он отождествлял себя с заведующим небесной канцелярией, ясное дело, не было.

И ещё один немаловажный аспект. 9-ый факультет располагался на 7-м, последнем этаже учебного корпуса и выше начальника ближневосточного факультета были исключительно астрономические тела. Иными словами: «Круче только горы, выше только звёзды!».

Что ни говори, бог и царь, сатрап и деспот!

Кабинет властелина был размещён за дверью с номером 723. И стоило этой двери начинать приоткрываться, как всё живое стремилось к быстрому очищению коридора. Пространство пустело, и только три фигуры: дежурного по этажу и двух его помощников пружиной выбрасывало из стульев и вытягивало в балалаечные струны. Наряд замирал в сакральном пиетете.

В обязанности наряда входило: следить за чистотой и порядком, выдавать ключи от аудиторий и классов языковой подготовки, собирать на инструктаж заступающую смену и прочее в подобном духе. Но самое главное и неписаное правило заключалось в своевременной подаче лифта для своего босса. И не приведи Господь не исполнить эту повинность, кара будет жестокой.

Утром, в 8.30 один из дежуривших держал на втором этаже кабину элеватора, дожидаясь появления начфака, чтобы отдать ему честь при загрузке. Борис Евгеньевич медленно поднимался по пандусу, входил в лифт и взмывал вверх. Там

его ждал дежурный по факультету, рвавший глотку рёвом «Смирно» и отдававший рапорт.

К обеду лифт придерживали на 7-м этаже и провожали полковника вниз. При отбытии домой ритуал повторялся. Прошляпавшим с подачей «кареты» рубили головы. Фигурально. Но от этого легче не становилось. Наказание ждало и тех учащихся, кто пользовался подъёмно-спусковым устройством. Табу! «Только для белых!» Для офицеров и преподавателей.

Заняв с утра горное гнездо, пернатый хищник спускался на первый этаж в 12.20, чтобы поесть. Здесь внизу, где степень распространения ареала его влияния сужалась, Лукомский чувствовал себя менее комфортно, поскольку нет-нет, да и попадались экземпляры, проявлявшие беспардонное отношение к воинской дисциплине и ношению форменной одежды. Такие фрукты незамедлительно ставились им на место с предварительной выжимкой всех имеющихся соков.

В Высшей школе КГБ роилось гигантское количество людей, и все эти люди, начиная от уборщицы и, само собой, заканчивая руководством, знали, кто такой полковник Лукомский, и что он из себя представляет. В этом большом человеческом скопище, сконцентрированном внутри оболочки из желтоватого кирпича, можно было пребывать несколько лет и не иметь представления (и даже не подозревать!) о существовании какого-то там начальника, какого-то там подраз-

деления, но вот Боба все знали в лицо. Ибо игнорирование опасности граничит с безмозглостью. Габаритный источник угрозы требовал к себе повышенного внимания.

Необстрелянных новичков и потерявших бдительность ждала суровая кара. Задремавших в пруду карасей щука щёлкала нещадно. А сейчас она поедала котлету по-министерски, методично расчленяя её на кусочки и отправляя во врата пищеварительного тракта.

– Приятного аппетита, Борис Евгеньевич!

За столик полковника подсел человек в морском кителе с такими же, как и у Лукомского шестью большими звёздами на плечах.

– Спасибо, – медленно ответил Лукомский после паузы. Нужно было время, чтобы тщательно пережевать и проглотить пищу.

Появившаяся официантка офицерской столовой улыбнулась, поздоровалась и по-военному чётко и быстро объявила:

– На первое у нас сегодня борщ, рассольник, рыбный суп, на второе – бефстроганов, свиная отбиваня, котлета по-министерски, судак отварной, гарнир – картофельное пюре, гречка, рис, салаты...

– Рассольник, – офицер в черной форме жестом остановил официантку, – бефстроганов с пюре, салат из свежих овощей и компот.

– Сейчас принесу, Леонид Григорьевич.

Капитан первого ранга Алексашин был в закрытом заве-

дении фигурой № 2, занимая должность заместителя начальника школы по строевой части. Адепт воинской дисциплины был властен, требователен и суров. Высокий и внушительный, как Александрийский столп, прямой и несгибаемый, как корабельная мачта, грозный и беспощадный, как палубная артиллерия. Капитан первого ранга внушал священный трепет и непроизвольное уважение.

Из-за цвета формы за глаза его называли Железнодорожником или Чёрным полковником. Его паблисити было огромным и не уступало «славе» Лукомского.

– Заходил сейчас в общую столовую. Твои там сегодня в наряде по кухне?

– Мои.

– Оно и видно. На камбузе порядок.

Лукомский пристально посмотрел на Алексашина. Уж не подвох ли?

– Твои гвардейцы везде отличаются, – продолжил капитан первого ранга. – И в касках, и в кастрюлях. Везде первые.

– Они первые в другом деле. Девкам юбки задирают.

– Ты по-стариковски-то не рассуждай, Борис Евгеньевич! Сам-то раньше, небось, красоткам проходу не давал, а?

– Чего, Леонид Григорьевич, прошлое ворошить. Кто помянет старое, тому глаз вон.

– Ну, Кутузова или Нельсона я из себя делать тебе не позволю, – пошутил Алексашин. – Мне их регалии ни к чему.

– А мне не нужны заботы с поварами.

– Ты это о чём?

Лукомский немного помедлил с ответом, словно обдумывая про себя предложение, и изрёк:

– За этот год у меня уже двое на них женились. И ещё один заявление подал. Такая тенденция мне не нравится.

– Это их сугубо личное дело. Запрещать мы не можем.

– Не согласен, Леонид Григорьевич, – Лукомский взмахнул ножом и вилкой. – Тут затронут престиж моего факультета и честь школы! Жена чекиста должна быть ему под стать: с высшим образованием, эрудированной, сознательной и преданной не только ему, но и делу партии!

– Согласен! Но разве Ленин не говорил о роли кухарок в деле управления государством?

– Не передёргивай, пожалуйста!

– По мне так это наглядная иллюстрация предназначений вождя! – не унимался Алексашин. – Твой подчинённый не первый и не последний, кто собирается жениться на работнице столовой. Ты пойми, пока мужчины и женщины живут в одном здании, как ни старайся их контролировать, а грех Адама и Евы они извернутся, а умудрятся повернуть. Увы, тут я бессилён. Я несколько раз ставил вопрос ребром еще до переезда школы в новое здание о недопустимости смешанного заселения общежития. Но мою точку зрения не поддержали! – капитан первого ранга нахмурился, – она, видите ли, противоречила концепции автономности жизнеобеспечения режимного объекта. Так что теперь пожинаем плоды. Твоё

подразделение в частности. Твои орлы на пятом этаже общежития?

– На пятом.

– Гарем на третьем. Так ты радоваться должен, Борис Евгеньевич! Ваши показатели не смогут спровоцировать демографический взрыв.

– Пока я начальник 9-го факультета, я буду бороться с этим явлением! Я их отважу к молодухам шастать! А кому будет не нравиться – пусть пишут рапорт! Отчислю!

– Не затевай стрельбы по воробьям! Бесполезно! – Алексашин махнул рукой и наставил на Лукомского холодные глаза, окаймлённые тяжёлыми веками. – У меня к тебе вопрос. В твоей же епархии арабы?

Лукомский утвердительно кивнул.

– Не буду тянуть кота за хвост. Найдётся на их кафедре вакансия для молодого специалиста?

Направляемая полковником в рот вилка заметно снизила скорость своего перемещения.

– Это не в моих правилах, – продолжал Алексашин, не дожидаясь ответа. – Протекционизм, патронаж... Но дружба, сам понимаешь! Товарищ спрашивал. А я с ним и Крым, и Рим, и воду, и медные трубы!

– Баба?

– Кто? Товарищ? – большие висящие мешки под глазами Алексашина надулись винными бурдюками.

– Арабист.

– Арабист? А, ну да! – лицо, принявшее до этого рельеф вырубленной в скальных фиордах маски, оттаяло. – Девушка. Племянница моего друга. Двадцать пять лет.

– Молода.

– Этот параграф быстро устаревает.

– Замужем?

– Да.

– Это хорошо, – Лукомский отодвинул пустую тарелку. –

В конюшне сплошь жеребцы.

– Арабские чистокровные.

– Всякие, – начальник 9-го факультета вытер губы салфеткой. – И владимирские тяжеловесы, и орловские рысаки, и дончаки, и ахалтекинцы.

Официантка, принёсшая заказ, расставила обед перед Алексашиным и, одарив его дежурной улыбкой, удалилась Афродитой, обделённой вниманием седого Посейдона.

– Так что? – капитан первого ранга, не глядя, вытащил из хлебницы ломтик бородинского.

– Мест нет.

Клише гостиничного вахтёра заставило Алексашина поперхнуться давно выделявшейся слюной. Узвлённые железы внутренней секреции вздули мешки до угрожающих размеров и вытолкали из орбит рачьи глаза, накаченные коктейлем удивления и злобы.

– Профессорско-преподавательский штат укомплектован, – грянуло как приговор. Вердикт отбил Алексашину ап-

петит и испортил настроение.

– Обрадовал! – он хлопнул ладонью по скатерти. – На кой ляд антимионию разводил?! – ему было обидно и неловко угодить в позицию просителя, получившего отказ. Да при его то верховенстве! Каково, а?

Бить кулаком по столу и стоять на своём до победного конца было делом, заведомо обречённом на провал. Алексашин зачерпнул ложкой суп и проглотил порцию рассольника вперемежку с горькой обидой.

А Лукомский кинул тонкую дольку лимона в чай, тщательно размешал ложкой сахар и сделал глоток. Он любил чай с лимоном и не любил варягов. Инородные элементы в его владениях были совершенно ни к чему.

Глава 11. Летний лагерь

На дальних окраинах Московских земель на берегу безымянной речушки, извивавшейся в густой дубраве, ютилось поселение из неказистых домишек, переходившее во владение от одного царского вельможи другому. Частые неурожаи, падёж скота и повальная хвороба мирян, не отличавшихся богатырским телосложением и долгою лет, снискали местности дурную славу.

Даже барский дом, за строительство которого брались самые модные столичные зодчие прошлых времён и который должен был стать архитектурным шедевром, так и не был достроен. Брошенный скелет усадьбы постепенно стал вме-

стилищем мусора и нечистот, склепом неосуществлённых проектов, символом тщетности борьбы с чёрными силами, проклявших эту землю.

Но на Лубянке в проклятия не верили. Материалисты из грозного ведомства посчитали округу удобным районом для размещения учебно-подготовительного центра Высшей школы КГБ. На подготовительном отделении, сокращенно именуемом «ПЭО», были организованы полугодичные курсы, с которых успешно сдавшие экзамены кандидаты, зачислялись на первый курс.

Освободившиеся к лету аудитории пустовали недолго и заполнялись абитуриентами и экзаменационными комиссиями. Городок кишел претендентами на путёвку в ВУЗ имени Дзержинского, преподавателями, слушателями и офицерами.

Абитуриентов было более чем достаточно, и в вагончики забивали по 24 человека, по 12 персон на отсек. Про запас.

В отсеке Максима Русанова, как, впрочем, и в других, было душно. Спёртый воздух, какой всегда стоит в тесном помещении с избыточным количеством людей, с трудом разбавлял вялый ветерок, лениво слонявшийся по пустому плацу и заглядывавший в проходы между вагончиками. Солнце, пробиваясь пока ещё нежаркими лучами сквозь листву и ветви деревьев, ползло вверх, чтобы через пару часов накалить бетонный панцирь площадки и листы металла горбчатых крыш. Когда светило добралось до высоты, соответству-

ющей 7 часам утра, по городку понеслась команда «подъём», подхваченная бодрой музыкой, хлынувшей из развешенных по столбам ретрансляторов.

Русанов надел тренировочные штаны, майку и полукеды и вышел на построение, сбивая с груди прилипших к коже комаров, раздавленных во сне. Плац заполнялся крепкими телами в преддверии трёхкилометровой пробежки. Потом зарядка, туалет, умывание, завтрак и консультация по истории. Время безостановочно рубило минуты, размеренно приближая будущее и тут же, перемолов его, выбрасывало в контейнер прошлого.

Казалось, он только что проснулся, и вот уже надо идти в столовую. Прошлой осенью он был в Афгане, а теперь в Москве, завязывает на белой сорочке тёмно-синий галстук. Время летело, пронося его на своих крыльях из одной точки планеты в другую. Что ждёт его дальше? Прогноз на ближайшие часы он мог дать безошибочный, а вот заглянуть вперёд на несколько дней... Увы! Провидцем он не был. А может, то было и к лучшему.

– Максим, зеркало дай!

Он сделал жест «подожди», продолжая вязать узел.

– Мнэ тоже надо! Будь другом!

На этот раз голос был уже не требовательным, а почти умоляющим.

– Бери! – разрешил он и присовокупил. – Витязь в тигровой шкуре.

Русанов порой подтрунивал над Зазой Керашвили, рост и стать которого вполне позволяли ему носить это почётное звание. Но не бугристая фигура тбилисца тянула за язык воина-интернационалиста, а пристрастие Керашвили к бахвальству своей фамильной реликвией – потрёпанному томику Шота Руставели.

– Опять? – чёрные усы под большим горбатым носом обиженно повисли, лохматые брови сдвинулись к переносице.

– Не нравится?

– Нэт!

– Может, и зеркало моё не нравится? – Русанов сделал вид, что собирается убрать зеркало в тумбочку.

По лицу Керашвили пробежала тень страдания.

– Э, зачём так?

– Будь проще, Заза! – Русанов улыбнулся и по-дружески хлопнул Керашвили по плечу. – Бери пример с Гейдара Джаббарлы!

Услышав своё имя, subtilный полубрюнет (волосы на лысом черепе сохранились лишь на височных и затылочных участках) ослабил рафинадной улыбкой, напустив на узкое чело фальшивое достоинство султана Блистательной порты.

– Смотри, какое у человека олимпийское спокойствие! А ведь он тоже горячий парень! Бакинский джигит!

Сахарные куски под тонкой ниточкой щегольских усиков блеснули ещё ослепительней, гармонично-органично допол-

нив белизну костюмной тройки своего хозяина.

Керашвили загрёб зеркало, глянул на смуглого Джаббарлы в белых одеждах и нехотя согласился.

– Горячий, горячий! Белый, белый!

Лысеющий фронт по щенячьи взвизгнул, зацокал языком и закачал головой.

– Товарищ Саахов говорил так, – и он выкатил свои глаза маслины, копируя известный киноперсонаж. – Белый, белый! Совсем горячий!

Удачная пародия вызвала общий смех, который прервал зычный голос.

– Концерт окончен!

Лицо Хомякова, загородившего собой вход, было безжизненно-сурово. Назначенный старшим над абитуриентами из числа гражданских лиц, он усердствовал на полученной должности с чрезмерным прилежанием.

– Время! – Хомяков постучал указательным пальцем по стеклу наручных часов. – Выходи на построение!

– Р-р-раз, раз, раз, два, три! – упоительно командовал он через пять минут, идя рядом со строем с выражением существенного превосходства над теми, что маршировали под его началом.

Хомяков был уверен в себе и твёрдо знал, что кого-кого, а уже его-то всенепременнейше зачислят в ВКШ. Вне всяких сомнений! Главной причиной его убеждённости была моральная поддержка старшины Носова, обещавшего за-

молвить за него словечко перед руководством курса. Как-то незаметно для себя он возложил на свои плечи бремя вершителя судеб и с многозначительной миной вещал: «От моих рекомендаций зависит ваше поступление в школу». Но никто, кроме самого Хомякова, эти заявления всерьёз не воспринимал.

–левой, левой, левой! – воодушевлённо покрикивал самоуверенный служака на партикулярную когорту, вверенную ему на временное попечительство. – Первая шеренга! Не тянуть ногу!

– Не указывай, как ходить! – отреагировал правофланговый.

– Разговорчики!

– Не визжи!

Хомяков поджал губы. У него пока не было настоящей власти, чтобы проучить нахального гренадёра, возглавлявшего строй. «Ничего... Я тебе припомню!». А пока мелкому хищнику только и оставалось копить обиды и точить кинжал мести.

– Жучишь Моську? – спросил Русанов у высокого парня.

– Таких сразу на место ставить надо! Вздумал меня учить шагистике! Я из дивизии Дзержинского! На моём счету 2 парада на Красной площади и три участия в гонках на лафетах!

– Соревнования?

Сосед по строю посмотрел на Русанова, оценивая глубину короткого вопроса и внёс ясность.

– Правительственные похороны!

– Прекратить базар в строю! – прикрикнул Хомяков, делая грозные глаза и получив в ответ: «Не верещи!», окончательно оставил попытки навести мёртвую тишину.

Он довёл отряд до пищеблока и дал команду зайти в помещение. Вместе с гражданскими абитуриентами 9-го факультета в столовую вошли военные, боевой порядок которых составлял вторую часть общего строя. Их напор и натиск позволил занять за столами ключевые позиции. Поближе к бачкам с пищей.

Гражданские, успевшие отвыкнуть как от борьбы за лучшие места, так и от грубой солдатской еды, вели себя королевскими фазанами, попавшими в курятник. Они держались несколько особняком, разборчиво ковырялись в мисках, морщились на харчи и шли в буфет, оставляя недоеденные порции. Служивым их поведение не нравилось, и трещина между двумя группировками продолжала уверенно увеличиваться, расширяя границы отчуждения.

Русанов съел пару ложек клейкой перловки, сделал несколько глотков бурой жидкости, маскирующей под чай, и направился в буфет купить лимонных вафель и бутылку «Буратино». К его спине липли недружественные взгляды вояк. Их можно было понять. Карманных денег у них, считай, и не было, и позволить себе роскошь кулинарных изысков могли только единицы.

Ликвидировав чувство голода и выкурив после завтрака

сигарету, Русанов стал готовиться к предстоящей консультации по истории. Достав вопросник и общую тетрадь в 48 листов, он сунул во внутренний карман пиджака шариковую ручку. Сборы были недолги.

– Максим, ты историю хорошо знаэш? – Керашвили расчёсывал пробор, любуясь орлиным ликом в зеркало.

– Основные даты и события. Боишься, что провалишь?

– Я нэ боюсь! Зачэм? – тбилисец шумно продул зубья расчёски и сунул её в нагрудной карман. – Я знаю, я экзамен сдам!

– Откуда такая уверенность, Заза?

Керашвили нагнал на себя туманную таинственность кавказского хребта, а затём выпустил облачко мудрости горского долгожителя.

– У меня талисман! Понимаэш? – он бережно провёл своей волосатой ручищей по томику «Витязя в тигровой шкуре». – Мне это отэц подарил, когда узнал, что я поеду поступать в Москву! А отцу – его отэц! Вот!

– Семейная ценность. – резюмировал Русанов.

– Балшая ценность! Тут эсть такие слова, которые как молитва помогут!

– Прочитал как заговор от напасти и пронесло? Так что ли?

– Что-то примэрно вродэ! – Керашвили поболтал в воздухе лохматой дланью. – Жалко, ты по-грузински нэ понимаэш, – он ласково погладил обложку и аккуратно положил

реликвию в верхний ящик тумбочки. – Пойдём, покурим?

– Я уже.

– У меня «Мальборо»!

– Да хоть сигары от Фиделя!

Керашвили задержался на пороге, осмысливая фразу Русанова, но цепь его интеллектуальных манёвров разорвал таран Джаббарлы, произведённый яйцевидной головой в возникшее на пути препятствие.

– Вьи-и-и! – взвизгнул франт, наткнувшись на препону, и слетел с порога вниз, едва не грохнув оземь. – Пропусти, Заза!

– Куда так нэсёшься? – Керашвили вышел наружу, поправляя на пупе рубаху. – Гонятся за тобой? – он окинул взглядом плац, но ничего подозрительного не обнаружил.

– На консультацию спешу! – крикнул бакинец и скрылся в вагончике.

Керашвили изумился и сверился с часами. В запасе была ещё добрая четверть часа.

Джаббарлы, понятное дело, соврал. Наколка – друг чекиста! Влетев в коморку на пушечном ядре острой потребности, он раскрыл свою тумбочку и, пошарив в ней рукой, издал звук раздосадованного грифа, из-под носа которого гиена утащила его законную добычу.

Ругнувшись по-азербайджански, он крутнулся юлой на каблуках белых остроносых туфель и замер, вцепившись зрачками в тетрадь Русанова. Резко, словно желая нанести

укол шпагой, он выбросил вперёд правую руку и засипел.

– Дай, а?!

– Чего? – Русанов, пока не совсем понимал, что именно у него не то требуют, не то просят.

– Тетрадку! – тонкие пальцы нетерпеливо затряслись в энергичном треморе.

– Зачем?

– Надо! – напыжился бедняга. – Или листок вырви!

Русанов начал понимать суть беспочвенных притязаний на его личную собственность.

– На клапан надавило?

– Слушай, разве тебе жалко бумажки? – взмолился страдалец.

– Обойдётся, Гейдар!

– Умоляю!

– Ты, как духи, камушком, – посоветовал Русанов. – Или ищи макулатуру в другом месте!

Отверженный пискнул затравленным сусликом, опять обернулся волчком и рванул ящик чужой тумбочки. Потасканный томик в лоснящемся переплёте хранил в себе столько затёртых страниц, мягкость коих была идеальной для отдельной гигиенической процедуры, что Джаббарлы, обезумев он нахлынувшего удущья счастья, захлопал губами, как выброшенный на берег выуженный карп.

Костлявая конечность модника схватила беззащитную книжицу и варварски встряхнула её, раскрывая веером стра-

ницы бессмертной поэмы.

– Ты что делаешь? – Русанов поднялся с кровати, понимая, что если он не вмешается, то надругательства над святыней не избежать, и тогда – быть беде. – Стоять насмерть!

Сдерживая из последних сил позывы, Джаббарлы мученически застонал и бросился наутёк. На этот раз он уже ударился не в живот, но в грудь всё того же туловища, непоколебимо стоявшего глубоко врытым в землю менгиром.

– Зарэжу! – зловеще зашипела голова, венчавшая атлетический торс. Потемневшие от гнева глаза Керашвили были готовы выскочить из орбит.

– У-иии-и-и! – располосовал воздух поросячий испуг.

– Зарэжу-у-у! – тональность повтора гудела свирепой кровожадностью. И будь в руке Керашвили кинжал или на худой конец шампур (если дать разгул богатому воображению), то острое изделие из металла уже проникало бы через костюмную ткань, чтобы вспороть завёрнутое в нее тело. А пока, за неимением холодного оружия для возмездия, он вытряхивал душу из верещавшей плоти.

– Заза! Отпусти его! – вступился за Джаббарлы Русанов, вынимая из пальцев жертвы потёртую книжку.

– Зарэжу-у-у! – продолжал рычать Керашвили и трясти погремушку.

– Отпусти, генацвали! – взмолился Джаббарлы, выдав наконец членораздельное словосочетание.

– Перестань! – с нажимом произнёс Русанов, посмотрев

в глаза разъярённого почитателя Руставели. – Знаешь, чем это может закончиться?

Керашвили, сжимавший мёртвой хваткой лацканы пиджака, снизил амплитуду колебаний, позволившую удержаться лысому черепу с крупными каплями пота на разболтавшейся шее. Предупреждение не сразу, но всё же добралось до сознания, загнанного в подвал взбесившимися эмоциями, и справедливая кара, замедлив ход, остановила своё обрушение на голову кощунствовавшего святотатца.

Лёгкие Керашвили вытолкнули междометие досады, а жадные до жертвы руки, готовые разобрать трясущуюся плоть до молекул, толкнули её в грудь, отчего та отлетела к стене и сползла по ней на пол тающим пломбиром, безуспешно стараясь схорониться в складках местности.

– Что тут происходит?

А вот и та опасность, которая несла в себе потенциал крупной неприятности для участников инцидента.

– Я задал вопрос! – старшины Носов смотрел из-под козырька фуражки, как смотрит надсмотрщик на проштрафившихся заключённых.

– Борцовские приёмы разучиваем! – спокойно ответил Русанов.

– Вследствие чего товарищ абитуриент лежит?

– Не устоял на ногах, – поднимаясь, сказал Джаббарлы, отряхивая белый костюм.

– Упадок сил, – выдвинул свою версию Русанов. – Вот и

упал.

Старшина испытующе посмотрел на Русанова и жестом потребовал у него книгу.

– Что это? – не разобрал он грузинской вязи.

– «Вытязь в тыгровой шкурэ», – сказал хозяин томика.

– Занимательное пособие по грузинской борьбе, – Носов отдал томик Керашвили. – Для физподготовки есть спортивная площадка и отведённые часы. Если замечу нечто подобное ещё раз, будете писать объяснительные. Вам всем должно быть хорошо известно, что за серьёзный проступок абитуриент к экзаменам не допускается!

Лишь только Носов оставил вагончик, Русанов встал между Керашвили и Джаббарлы:

– А ну-ка, джигиты, подали друг другу руки и забыли всё, что здесь сейчас произошло! И давайте-ка на свежий воздух! Вам обоим надо остыть! Давайте, давайте! – он вытолкнул обоих наружу и тихо добавил. – Не хватало ещё, чтобы грузинский витязь довёл число Бакинских комиссаров до двадцати семи.

Глава 12. Исторический момент

Ещё до начала экзаменов лесной городок начали покидать незадачливые персоны. Кое-кто был изобличён в применении запрещённого в лагере алкоголя, кто-то не прошёл повторную медицинскую комиссию, кому-то дали под зад за нарушение распорядка дня. Церемоний не было. Выпрово-

дили под белые рученьки даже серебряного призёра СССР по дзюдо, по нелепой случайности сломавшего себе руку при выполнении на перекладине гимнастического элемента «солнышко» в неположенное время.

Можно было не согласиться со столь суровым решением. Только вслух об этом в среде абитуриентов не говорили. Несправедливо? Вероятно. Но прежде чем отправить невезучего спортсмена домой, ему наложили качественный гипс. А это, согласитесь, акт милосердия и сострадания. Так что одна рука была на самом деле белого цвета.

После этого несчастного случая с незадачливым любителем гимнастики, командование сборов запретило заниматься на спортплощадках до особого распоряжения, расценив физкультурные упражнения как опасный вид активного досуга. А вдруг, чем чёрт не шутит – начнётся эпидемия поварных переломов? Для предотвращения массового выхода из строя кандидатов и была принята столь радикальная мера.

Турники осиротели, поля для игр обезлюдели, зрительские трибуны стыдливо томились голыми скамьями. Запретные сектора превратились в зачумлённые участки. Но утреннюю зарядку, не оправдав надежд сибаритов, оставили. Парней по-прежнему поднимали с коек и гнали на пробежку.

Абитура живо впитывала условия введённого миропорядка и употребляемую в лагере терминологию. Все усвоили, что вместо курсантов в Вышке принято иное обозначение – слушатель, коротко звучащее в обиходе как «слушак», и все

намотали на ус: держи ухо востро, гляди в оба и жди судный день. И он настал. 12 июля был первым днём исторического экзамена или, если угодно, экзамена по истории СССР. В классах здания подготовительного отделения по два преподавателя на каждый факультет испытывали абитуриентов.

– Абитуриент Острогор для сдачи экзаменов по истории СССР прибыл! – доложил Сергей и, повинувшись приглашающему жесту преподавателя с чёрными усиками и печально-усталыми глазами, подошел к столу. Пробежав быстрым взглядом по аккуратно разложенным обрезкам бумаги, он взял третью полоску из третьего ряда, перевернул её и объявил номер.

– Берите бумагу, – предложил второй экзаменатор с круглым лицом, записывая фамилию Острогора в экзаменационный лист и ставя напротив него цифру вытянутого им билета, – проходите и готовьтесь.

Острогор обернулся. За столами сидели четыре абитуриента с напряжёнными и красными от умственной натуги лицами. Один из них, с горящим кавказским взглядом, смотрел на преподавателей глазами старого альпиниста, на которого надвигалась снежная лавина. В них было презрение к смерти, жажда жизни и надежда на спасение. Прочие, поникнув головами, держали глаза долу.

Ему достались Семилетняя война и 2-й съезд РСДРП.

«Неплохо, неплохо, – борясь с лёгким волнением и настраиваясь на задание, думал Острогор, – этот материал я

знаю. Справлюсь. Главное – спокойствие, сосредоточенность и уверенность! Понеслась!»

Он стал делать тезисные наброски, фиксируя на бумаге основные пункты предстоящего ответа, одновременно поглядывая на спину севшего перед преподавателями младшего сержанта с эмблемами артиллериста, и вполуха прислушиваясь к его монотонной речи.

Возбуждение прошло, память включилась в работу, мысль формировала предложения. Чёткие фигуры букв и цифр, выписываемые шариковой ручкой, выстраивались тёмно-синими солдатиками в ровные шеренги на мелованном плацу.

Артиллерист ушёл, пришёл другой абитуриент, гражданский, потом произошла новая смена, затем ещё одна... Усатый и круглолицый слушали, задавали вопросы, выставляли оценки и попивали минералку.

Было жарко. Открытые окна не спасали, и летний зной, хозяйничающий на улице, оборачивался в помещении в свирепую духоту. Острогор чувствовал, как он наливался пурпуром и представлял себя со стороны глянцевым синьором-помидором из сказки Джанни Родари, с мужественным безмолвием ожидающего срочного полива. Но блага ирригационной системы, что было очевидно, были для него заказаны. Он взирал со спартанской стойкостью на булькающие струи минералки, кочевавших из бутылок в стаканы, а затем в сухие гортани преподавателей и стоически переносил жаж-

ду. Другие тоже терпели. Терпели и не показывали вида.

– Абитуриент Керашвили к ответу готов.

Острогор обратил внимания, как Керашвили тоскливым выразительным взглядом обласкал бутылку «Боржоми». Пузырьки газа, рвавшие на поверхность тоненькими подвижными цепочками, унесли тбилисца «на холмы Грузии печальной». Керашвили откашлялся, облизнул потрескавшиеся губы и загудел низким баритоном, отвечая на билет.

Острогор вернулся к своему листу и пробежался по строчкам глазами. Проверил. Вроде всё. Следующий он. Его очередь. Он прикрыл веки и мысленно прокрутил в голове ответ. Вдохнул в себе спёртый воздух и постепенно стравил его через ноздри. Спокойствие и уверенность.

История была его любимым предметом. С детства он много читал (спасибо бабушке – привила любовь к книгам, и деду – он собрал большую библиотеку – было чем увлечься!), и в школе повезло с педагогами. В 10-м классе этот предмет вёл седой старик с большой львиной гривой. По слухам, его выгнали из какого-то ПТУ за анекдоты. Нет, крамолу или антисоветчину – он не рассказывал. Он ставил условие: кто поведает ему смешную побасенку, того отпустит с урока. На том и погорел.

У них, на новом месте, подобной практикой «Лев» уже не занимался. Зато ставил оценки, не рассусоливая. Бывало так: вызовет кого-нибудь к доске, спросит тему, послушает с минуту и поставит вопрос ребром. Острогора он как-то попро-

сил назвать главную причину быстрых колонизаторских захватов в Африке и получил ответ: «разобщённость народов и племён, говорящих на разных языках». Дед поставил ему пять, не пожелав слушать полный перечень прочих причин. А как-то раз он и вовсе сорвал пятёрку как с куста. Историк, в качестве поощрения, пообещал поставить её тому, кто отгадает загадку: в каком кармане Хрущёв носил расчёску. Ха! Секрет Полишинеля! Ясно, что не в левом, не в правом и не в заднем! Зачем она лысому!

Учителя в его школе № 38 имени 30-летия Победы, были специалистами своего дела. Он понял это в армии, где большая часть однополчан намного уступала его эрудиции. Вот только с английским не повезло. Не было у них постоянной и толковой англичанки, что не преминуло сказаться на качестве словарного запаса языка великого Шекспира. А тут, как он уже успел заметить, многие были из спецшкол с углублённым изучением иностранных языков. Тягаться с такими будет ох как тяжко! Но пока надо было преодолеть первый барьер – пройти экзамен по истории.

За раздумьями Острогор как-то упустил момент, когда Керашвили закончил держать ответ и, увидев его широченную спину, скрывающуюся в дверном проёме, засуетился, хватая листок и спеша на лобное место.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.